

Br/89
4799

**Совершенствование форм
и методов борьбы
с преступностью**

Министерство народного образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки
Кафедра уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И МЕТОДОВ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1989

88-4-5391

4199 СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Совершенствование форм и методов борьбы с преступностью: Сборник научных трудов/ Отв.ред. Р.Г.Домбровский. Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1989. 118 с.

Настоящий сборник - результат сотрудничества криминалистов трех университетов: Берлинского университета им.Гумбольдта (ГДР), Щецинского университета (ПНР) и Латвийского государственного университета им. П.Стучки. Его авторов объединяет одинаковый методологический подход к разработке тех проблем, которые вытекают из необходимости совершенствования форм и методов борьбы с преступностью в условиях социалистического общества. Сборник предназначен для научных работников, аспирантов, студентов старших курсов, а также практических работников, интересующихся проблемами уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.Г.Домбровский (отв.ред.), У.Я.Крастиньш, М.П.Шешуков

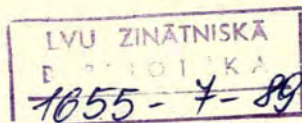
Печатается по решению Издательского совета ЛГУ им.П.Стучки

С I203110000-086У 24.89.

М812(11)-89

(С)

Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1989

У.Я.Крастыньш
(Рига)

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВОМ ОБЪЕКТОВ ПРИРОДЫ

Постоянное интенсивное вовлечение в хозяйственную деятельность природных ресурсов, усиление отрицательного воздействия производственных процессов на природу, рекреационная нагрузка на многие ее объекты порождают социальную необходимость выделения ценных природных объектов в качестве особо охраняемых государством объектов природы с целью их сохранения для будущих поколений в нетронутом или малоизмененном виде.

В этой связи в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года предписано расширить сеть заповедников, национальных парков, заказников и других охраняемых природных территорий. (I.C.70).

Большое значение в сохранении для будущих поколений эталонов нетронутой природы, богатого генофонда, достопримечательностей ландшафта и других ценностей природы имеет четкое и строгое государственное регулирование охраны и использования особо охраняемых государством объектов природы.

Такое регулирование имеет и определенное предупредительное значение для сохранения природных объектов, что достаточно ясно прослеживается на примере уже выделенных особо охраняемых государством объектов природы. За их уничтожение или повреждение, а также нарушение установленных для них государством охранных режимов предусмотрена более строгая ответственность, что указывает на большую ценность этих объектов природы по сравнению с другими, и одновременно напоминает о необходимости их сохранения.

Бесспорно, что предупредительное значение правовых норм, защищающих особо охраняемые государством объекты природы, повышается, если они применяются на практике. Бесспорно также, что этому способствует точное и понятное изложение правовой

нормы и раскрытие ее содержания.

За уничтожение или повреждение объектов природы, взятых под охрану государством, уголовная ответственность установлена в ст.206 УК ЛатвССР; административная ответственность предусмотрена в ст.88 Кодекса Латвийской ССР об административных правонарушениях; материальная ответственность регламентирована п.3 раздела IX Положения о режимах особо охраняемых объектов природы на территории Латвийской ССР. (Из.С.109-112).

Правовая норма может полностью выполнить свою предупредительную роль только тогда, когда она находит поддержку общественного мнения, когда она осознана каждым членом общества. Поэтому первостепенное значение приобретает уяснение содержания правовой нормы в такой степени, чтобы она была понятна не только юристу, но и любому гражданину.

Что касается правовых норм, защищающих особо охраняемые государством объекты природы, то самым сложным является вопрос о том, какие объекты природы следует причислить к особо охраняемым. Иначе говоря, это вопрос о предмете правонарушения и чтобы его решить необходимо определить признаки, которыми обладают особо охраняемые государством объекты природы и дать общее определение понятия названных объектов. На основе общего определения можно будет решить вопрос и о категориях особо охраняемых государством объектов природы.

В этой связи необходимо отметить, что в научной и учебной юридической литературе вопрос о предмете рассматриваемых правонарушений разработан недостаточно и по сути дела еще не сформулировано определение особо охраняемых государством объектов природы.

П.Ф.Повелищина, посвятившая статью вопросам уголовно-правовой охраны природных объектов, взятых под охрану государства, не дает общего определения предмета этого преступления. Она ссылается на законы союзных республик об охране природы и на ряд других нормативных актов, ограничиваясь примерным перечнем объектов природы, взятых под охрану государством. (Из.С.150-166).

Авторы других работ при рассмотрении этого вопроса ссылаются на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля

1983 года "О практике применения судами законодательства об охране природы" (II.С.478) или дают недостаточно полную характеристику таких объектов, не раскрывая юридические аспекты особо охраняемых государством объектов природы. (I8.С.386; I9.С.348). Таким образом, ни в законодательстве, ни в юридической литературе не определены критерии и не раскрыты признаки предмета рассматриваемых правонарушений, что затрудняет и решение вопроса о категориях особо охраняемых государством объектов природы.

Согласно ст. I Закона Латвийской ССР "Об охране природы Латвийской ССР" от 20 декабря 1968 года (в редакции Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 24 февраля 1983 года) государственной охране подлежат все природные богатства, как вовлеченные в хозяйственный оборот, так и неиспользуемые. Там же приводится перечень категорий объектов природы и среди них особо охраняемых государством, однако отдельно они не выделены, так как законодатель пользуется принципом группового обозначения охраняемых объектов природы (типичные и уникальные ландшафты; редкие и достопримечательные природные объекты; места, связанные с историческими событиями; растения, находящиеся под угрозой исчезновения или требующие охраны ввиду их редкости, научной или практической ценности; территории, на которых находятся особо важные в культурном или научном отношении природные комплексы; памятники природы; редкие виды животных и растений). (20.С.343).

Представляется, что характерными, отражающими сущность особо охраняемых государством объектов природы и, соответственно, выделяющими их из остальной массы природных объектов, являются следующие признаки: 1) особая ценность объекта природы для удовлетворения важных интересов государства и общества; 2) самостоятельность объекта природы; 3) в качестве особо охраняемого государством объекта природы он выделяется на основании специального нормативного акта уполномоченного на то государственного органа; 4) для защиты и использования таких объектов природы государством устанавливается усиленный охраняемый режим и повышенная юридическая ответственность за его нарушение; 5) на землепользователей и водопользователей, на территории которых

находятся особо охраняемые государством объекты природы, государством возлагается обязанность обеспечить соблюдение режима охраны и использования таких объектов природы.

Совокупность приведенных признаков является основанием для определения общего понятия особо охраняемых государством объектов природы, которое можно было бы сформулировать в таком, например, виде.

Под особо охраняемыми государством объектами природы следует понимать самостоятельные природные образования и территории, имеющие особое экологическое, научное, просветительно-познавательное, эстетическое, культурно-историческое или социально-бытовое значение, в силу чего они подлежат сохранению для будущих поколений, признанные таковыми уполномоченными на то государственными органами, установившими социальные режимы охраны и использования этих образований и территорий и возложившими на землепользователей и водопользователей, на территории которых они находятся, обязанности по их сохранению и соблюдению установленных режимов.

Далее требуется разрешить вопрос о том, какие категории объектов природы следует отнести к особо охраняемым государством объектам природы. Понятно, что при разрешении этого вопроса нельзя обойти руководящее разъяснение Пленума Верховного Суда СССР. Применительно к ст. 230 УК РСФСР (соответственно ст. 206 УК ЛатвССР) Пленум в п. 7 постановления № 4 от 7 июля 1983 года "О практике применения судами законодательства об охране природы", указал, что под природными объектами, взятыми под охрану государством, понимаются предусмотренные Типовым положением о государственных памятниках природы, утвержденным Постановлением Госплана СССР и Государственного комитета СССР по науке и технике от 27 апреля 1981 г. № 77/106, такие природные объекты, которые представляют собой небольшие урочища (рощи, озера, участки долин и побережий, достопримечательные горы) и отдельные объекты (редкие и опорные геологические обнажения, водопады, пещеры, минеральные источники и т.п.), а также природные объекты искусственного происхождения (старинные аллеи, парки, пруды и т.д.), которые решениями соответствующих органов

относятся к государственным памятникам природы. (4.С.9;5.С.7-12).

Однако следует признать, что Типовое положение о государственных памятниках природы не исчерпывающего перечня объектов природы, взятых под охрану государства. Законодательство скандинавских республик значительно расширяет перечень категорий объектов природы особо охраняемых государством.

Постановлением Совета Министров Латвийской ССР от 10 апреля 1987 года № 107 "Об особо охраняемых объектах природы на территории Латвийской ССР" выделены следующие категории особо охраняемых государством объектов природы: государственные заповедники, национальные парки, комплексные заказники природы, ботанические, ботанические, климатические, аэрологические заказники, природные парки, округа охраняемых ландшафтов, геолого-геоморфологические объекты, парки и дендрологические насаждения, минеральные пруды, вековые, своеобразные и интродуцированные деревья, имеющие ландшафтно-экологические или культурно-историческое значение, виды растений, грибов и лишайников и виды животных, занесенные в Красную книгу Латвийской ССР. Данным постановлением утверждена "Полосница о режимах особо охраняемых объектов природы на территории Латвийской ССР" и 14 перечней особо охраняемых государством объектов природы. (13.С.6-112).

Постановлением Совета Министров Латвийской ССР от 10 апреля 1987 года выделены особо охраняемые государством объекты природы республиканского значения. Решением исполкома районного (городского республиканского подчинения) Совета народных депутатов могут быть выделены особо охраняемые государством объекты природы местного значения. Если возникает необходимость, то в интересах государства и общества могут быть образованы и выделены также другие категории особо охраняемых государством объектов природы, как, например, биосферные заповедники (резерваты).

Однако проблема категорий особо охраняемых государством объектов природы этим не исчерпывается.

Во-первых, указанным Постановлением Совета Министров Латвийской ССР от 10 апреля 1987 года "Об особо охраняемых объектах природы на территории Латвийской ССР" в качестве особо

охраняемого государством объекта природы утверждена полоса вдоль побережья Балтийского моря и Рижского залива шириной 1 км и установлен охранный режим.

Во-вторых, в научной литературе высказано мнение, что к особо охраняемым объектам природы следует причислять и различные целевые защитные зоны, в том числе зоопарки и ботанические сады. (17; 6.С.45-52; 7.С.128-140).

В-третьих, в юридической литературе обосновывается необходимость разработки понятия и состава единого природно-заповедного фонда СССР, включающего в себя особо охраняемые государством объекты природы. Следует отметить, что среди объектов природно-заповедного фонда имеются также особо охраняемые территории. К таким территориям относят различные охранные природные зоны (зеленые, лесо-парковые, санитарно-курортные и др.) а также ботанические, зоологические, дендрологические сады и парки. (16.С.214-218; 14.С.289-294).

В-четвертых, в научной литературе высказана и такая точка зрения, согласно которой к особо охраняемым объектам (территориям) следует отнести ту часть охраняемых объектов природы, которые традиционно такими воспринимаются и создание которых преследует цель охраны природных комплексов, ландшафтов, эталонов и генетического фонда природы. К числу таких объектов относят: заповедники, заказники, природные и национальные парки, памятники природы и некоторые другие специфические категории объектов природы. (22.С.39-49; 21.С.3-4; 23.С.9; 9.С.143-145; 3.С.10-14; 12.С.33-34; 93-95).

Представляется, что при решении вопроса о категориях особо охраняемых государством объектов природы необходимо исходить из следующих соображений.

Понятия особо охраняемых территорий в приведенной трактовке и особо охраняемых государством объектов природы не являются идентичными, поскольку они не совпадают ни по объему, ни по структуре, ни по содержанию.

Различные охранные (защитные) зоны не могут быть отнесены к особо охраняемым государством объектам природы вследствие того, что у них отсутствует такой важный и характерный для

особо охраняемых государством объектов природы признак, как самостоятельность выполняемых функций. Самостоятельность особо охраняемых государством объектов природы означает, что они сами по себе как своеобразные природные образования и территории имеют особое экологическое, научное, просветительно-познавательное, эстетическое, культурно-историческое или социально-бытовое значение.

В отличие от особо охраняемых государством объектов природы различные охранные (защитные) зоны, такие как зеленые зоны вокруг городов, курортные, придорожные, почвозащитные, полезащитные, берегозащитные зоны, выполняют только вспомогательные функции. Они обеспечивают существование, функционирование каких-либо других более ценных объектов, например, социально-бытовых (города, курорта, дороги и др.) или других объектов природы (моря, озера, реки, земельные угодья) и т.п.

При решении данной проблемы нельзя также не учитывать уже упомянутое разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, данное в п.7 постановления от 7 июля 1983 года, в котором при уяснении содержания понятия объектов природы, взятых под охрану государством, приводится их перечень, однако в этом перечне не указывается на какие-либо охранные (защитные) зоны или полосы.

Бесспорно, что различное толкование объема одного и того же понятия, не способствует единообразию практики применения законодательства, предусматривающего ответственность за посяательства на охраняемые государством объекты природы.

Отмечая различие мнений относительно объема понятия особо охраняемых объектов природы, К.А.Исаков предлагает вместо обозначения "особо охраняемые природные объекты" употреблять другое - "территории и объекты природоохранительного назначения" и включает в это понятие различные охранные (защитные) зоны. (В.С.22-29).

Однако такое предложение не решает рассматриваемую проблему. Как было уже отмечено, в законодательстве, если речь идет об объектах природы, взятых под охрану государством, под ними понимаются только те объекты природы, которые имеют исключительную ценность и являются самостоятельными объектами природы.

В этой связи следует отметить, что если уголовная ответственность за уничтожение или повреждение либо незаконную порубку деревьев на территории городов, курортов, в полегающих, почвозащитных, берегозащитных лесах, в лесах зеленых зон вокруг городов, а также придорожных деревьев предусмотрена ч.3 ст.161 УК ЛатвССР, то уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов природы, взятых под охрану государством, предусмотрена ст.206 УК ЛатвССР. Таким образом, законодатель разграничил эти правонарушения.

В целях уточнения названия содержания предмета преступления, предусмотренного ст.206 УК ЛатвССР, автором данной статьи в свое время было предложено обозначать предметы данного преступления как "особо охраняемые государством объекты природы", имея в виду особую роль государства в их защите. (Ю.С.5Г-53).

Особая роль государства в данном случае заключается в том, что реализуя свое исключительное право собственности на природные богатства, оно в целях достижения общегосударственной задачи - сохранить особо ценные объекты природы для будущих поколений в нетронутом или мало преобразованном виде - полностью или частично исключает такие объекты природы из хозяйственной деятельности, ограничивая таким образом право распоряжения и пользования землепользователей и водопользователей на территории которых они находятся, и одновременно устанавливает для их защиты усиленный охранный режим и более строгую ответственность за его нарушение.

На основании проведенного анализа законодательства и высказанных предложений, к особо охраняемым государством объектам природы на территории Латвийской ССР следует отнести:

1. Государственные заповедники, которые создаются с целью сохранения в естественном состоянии типичных или уникальных ландшафтов и экосистем, изучения в них естественного течения природных процессов и явлений и разработки научных основ охраны природы.

2. Комплексные заказники природы, которые создаются для охраны целостных природных комплексов, структура и облик которых определены как природными процессами, так и вековой дея-

тельностью человека и которые, кроме того, представляют собой исключительно живописные ландшафты.

3. Ботанические заказники, которые создаются для охраны мест произрастания редких и исчезающих видов растений, грибов и лишайников, а также типичных и редких для условий Латвийской ССР типов растительных сообществ и целостных экосистем.

4. Болотные заказники, какими объявляются характерные для природных условий Латвийской ССР типы болот и естественные, не преобразованные деятельностью человека болотные экосистемы.

5. Клюквенные заказники, какими объявляются болота, отличающиеся хорошими условиями для произрастания клюквы, высокой ее урожайностью и высококачественным генетическим материалом для селекции клюквы.

6. Зоологические заказники, которые выделяются для охраны редких и исчезающих видов животных (млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, моллюсков, насекомых), их мест обитания, а также мест их скопления в период миграции, лежки и кормежки.

7. Геолого-геоморфологические объекты, какими объявляются обнажения горных пород, выходы пресных и минеральных подземных вод (источники), крупные валуны, а также типичные или редкие формы рельефа, имеющие научную ценность, просветительно-познавательное и эстетическое значение.

8. Парки и дендрологические насаждения, какими объявляются парки, имеющие значение как памятники ландшафтов и парковой архитектуры, отличающиеся богатым составом интродуцированных пород деревьев и кустарников, имеющие значение зон отдыха в сельских центрах, а также дендрологические насаждения, дендрарии, меморальные насаждения, имеющие научное, просветительное и эстетическое значение.

9. Деревья, которые имеют научное, эстетическое и культурно-историческое значение (вековые, своеобразные и редкие, иноземные).

10. Мельничные пруды, какими объявляются ландшафтно-выразительные мельничные пруды, имеющие культурно-историческое или санитарно-гигиеническое значение и пригодные для создания зон

отдыха населения.

11. Национальные парки, которые создаются с целью сохранения типичных и живописных ландшафтов, исторических объектов, зданий и комплексов построек с окружающим ландшафтом, а также создания благоприятных условий для сохранения и увеличения генетического фонда флоры и фауны, улучшения организации отдыха и туризма без ущерба для природы.

12. Природные парки, какими объявляются ландшафты лесных массивов, речных долин, холмистого и озерно-холмистого рельефа или морского побережья, которые отличаются особым своеобразием и красотой, имеют природоохранное и культурно-историческое значение и хорошие предпосылки для организации отдыха населения.

Следует подчеркнуть, что природные парки являются самостоятельной категорией особо охраняемых государством объектов природы. Природные парки отличаются от национальных парков как по характеру территории, так и по цели их образования и использования.

Поэтому обоснованным является высказанное в научной литературе мнение о том, что следует пересмотреть Типовое положение о государственных природных национальных парках, утвержденное постановлением Госплана СССР и Государственного комитета СССР по науке и технике от 27 апреля 1981 г. № 77/106, так как в нем под одно название объединены две самостоятельные категории особо охраняемых государством объектов природы. (5.С.19; 2.С.75-85; 12.С.108).

13. Округа охраняемых ландшафтов, какими объявляются участки природных регионов, отличающиеся своеобразием строения ландшафтов и их исключительной красотой, обилием ценных природных комплексов и объектов памятников истории и культуры, а также других культурных ценностей или необходимыми условиями для создания в будущем природных парков и национальных парков.

14. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, занесенные в Красную книгу Латвийской ССР.

15. Виды растений, грибов и лишайников, дико произрастающие на территории республики и занесенные в Красную книгу Латвийской ССР.

Решение проблемы о предмете преступления, предусмотренного ст.206 УК ЛатвССР, связано с другим вопросом - о совершенствовании уголовного законодательства. Ответственность за преступления, выразившиеся в повреждении или уничтожении особо охраняемых государством объектов природы, следовало бы выделить в отдельную самостоятельную статью, так как предмет рассматриваемого преступления отличается от предметов остальных двух преступлений, предусмотренных ст.206 УК ЛатвССР (памятники истории и культуры). Представляется бесспорным, что данное посягательство следует отнести к группе преступлений против природных богатств, т.е. к экологическим преступлениям.

Требуется более точно и всеобъемлющее разъяснение Пленума Верховного Суда СССР по вопросу о предмете преступления, предусмотренного ст.206 УК ЛатвССР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. М.,1986.
2. Бриньке И.А. Проблемы правового статуса национальных и природных парков // Правовая охрана окружающей среды при социализме. М.,1984.
3. Бриньке И.А. Правовой режим особо охраняемых ландшафтов в Латвийской ССР: Учебное пособие. Рига,1986.
4. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 4.
5. Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. - 1982. № 12.
6. Исаков Ю.А., Криницкий В.В. Система особо охраняемых территорий в Советском Союзе, ее структура и перспективы развития // Изв.АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 3.
7. Исаков Ю.А. Принципы планирования сети особо охраняемых природных территорий в СССР // Охрана ландшафтов и проектирование. М.,1983.
8. Исаков Ю.А., Криницкий В.В. Перспективы развития системы особо охраняемых территорий в СССР // Организация заповедно-

- го дела. Алма-Ата, 1985.
9. Кавалюскас П. Системное проектирование сети особо охраняемых территорий // Геоэкономические подходы к проектированию природно-технических систем. М., 1985.
 10. Крастиньш У. Уголовно-правовая охрана объектов природы / / Соц. законность. 1982. № 9.
 11. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю.Д. Северинова. М., 1983.
 12. Меллума А.Ж. Особо охраняемые природные объекты на староосвоенных территориях. Рига, 1983.
 13. Особо охраняемые объекты природы на территории Латвийской ССР. Рига, 1987.
 14. Петров В.В. Правовая охрана природы в СССР. М., 1984.
 15. Повелищна П.Ф. Уголовно-правовая охрана природных богатств, взятых под охрану государства // Вопросы борьбы с преступностью в Туркменской ССР: Сб. науч. тр. Ашхабад, 1982.
 16. Правовая охрана природы / Под ред. В.В. Петрова. М., 1980.
 17. Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. М., 1978.
 18. Советское уголовное право: Часть Особенная / Под ред. М.И. Ковалева. М., 1983.
 19. Советское уголовное право: Особенная часть / Под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М., 1988.
 20. Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. 1983. № 9.
 21. Eberharda G. Aizsargājamo dabas objektu kategorijas, to aizsardzības un saimnieciskās izmantošanas režīms. R., 1976.
 22. Melluma A., Sarma P. Dabas aizsardzības problēmas un pamatjēdzieni. R., 1974.
 23. Melluma A. Aizsargājamo dabas objektu kategorijas Latvijas PSR (Palīgmateriāls Lektoriem). R., 1978.

В. А. Лихолая
(Рига)

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПЬЯНСТВА И АЛКОГОЛИЗМА

В Постановлении ЦК КПСС от 7 мая 1985 года "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма" отмечено, что в современных условиях, когда все полнее раскрываются созидательные силы нашего общества, преимущества социалистического образа жизни, особое значение приобретают строгое соблюдение принципов коммунистической морали, преодоление вредных привычек и пережитков, прежде всего такого уродливого явления, как пьянство, злоупотребление спиртными напитками (I.C.II4). В названном постановлении ЦК КПСС, последующем Указе Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении борьбы с пьянством" и одноименном постановлении Совета Министров СССР предусмотрена многоуровневая комплексная система идеологических, экономических, организационных и правовых мер, направленных на искоренение этого социального зла (I.C.II5-II9; I20-I23).

Пьянству и алкоголизму помимо других негативных последствий присуща высокая криминогенность. Удельный вес совершивших преступления в нетрезвом состоянии составляет более половины, а таких, как хулиганство и умышленные преступления против личности - более 90% (5.C.32). Под влиянием алкоголя совершается три грабежа и разбоя из четырех, более половины краж личного имущества, половина автотранспортных преступлений. Нередко совершению преступлений способствует нетрезвое состояние потерпевшего. Так, например, в автотранспортных происшествиях каждый третий потерпевший находился в состоянии опьянения (8.C.276).

Среди специальных мер профилактики правонарушений, связанных со злоупотреблением спиртными напитками, важное место занимают уголовно-правовые средства, в частности, нормы об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в пьянство, доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, повторные нарушения

правил торговли спиртными напитками, повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения, допуск к управлению транспортными средствами водителей, находящихся в состоянии опьянения, изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашней выработки и некоторые другие. Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, включено в перечень обстоятельств, отягчающих ответственность.

В рамках настоящей статьи автор ставит перед собой задачу проанализировать лишь некоторые из названных норм с точки зрения их законодательной конструкции и практики применения, определить их роль в преодолении пьянства и алкоголизма как явления в целом или как обстоятельства, способствующие совершению конкретного преступления.

Рассмотрим некоторые вопросы ответственности за автотранспортные преступления, совершенные в состоянии опьянения.

Дорожное движение как специфическая система "человек - транспортное средство - дорога" (9.С.162) складывается в результате целенаправленного, комплексного воздействия на него государственного управления безопасностью движения автотранспорта. Эффективность этого процесса управления во многом зависит от регулирующего воздействия норм права на действия участников дорожного движения.

Нас в данном случае интересует аспект правового регулирования безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, связанный с установлением юридической ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения - обстоятельство, серьезно угрожающее безопасности движения любого вида транспорта. Это, как и утверждение, что алкоголь несовместим с безаварийной работой транспорта, на наш взгляд, не нуждается в каком-либо обосновании. Достаточно напомнить о выводах специальных медико-биологических исследований, свидетельствующих, что при содержании алкоголя в крови водителя в пределах 0,9 промилле в 7 раз увеличивается вероятность дорожно-транспортных происшествий, а при дозе 1,5 промилле она возрастает в 128 раз (9.С.175), что таит в себе большую потенциаль-

ную возможность наступления серьезных последствий в каждом случае управления транспортным средством в нетрезвом состоянии.

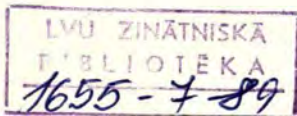
В развитие положений Постановления ЦК КПСС "О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма" в уголовное законодательство союзных республик внесены изменения и дополнения, касающиеся ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения и за допуск к управлению транспортными средствами водителей, находящихся в состоянии опьянения.

В чем же заключаются эти новеллы, внесенные в законодательство нашей республики Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 31 октября 1985 года (4.С.1531-1533)?

Часть I статьи 213¹ УК ЛатвССР признает преступлением управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, совершенное повторно в течение года. При этом, как разъяснено Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении № 5 от 16 января 1986 года, внесшим изменения и дополнения в ранее принятое постановление от 6 октября 1970 года № II "О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях", ответственность по части I статьи 213¹ УК ЛатвССР наступает независимо от того, привлекалось ли лицо за первый случай управления транспортным средством в состоянии опьянения к какой-либо ответственности (З.С.23). Ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения по части 2 статьи 213¹ УК Латв. ССР несет лицо, ранее судимое за управление транспортным средством в состоянии опьянения и вновь совершившее такое же правонарушение (хотя бы один раз - В.Л.), если судимость не снята и не погашена в установленном законом порядке (З.С.23).

Сравнение новой и старой редакции статьи 213¹ УК ЛатвССР свидетельствует о существенном усилении уголовной ответственности за данное преступление. Это выражается как в изменении предпосылок (условий) наступления уголовной ответственности в зависимости от того, кто совершил рассматриваемое правонарушение, так и в изменении санкции статьи. И это вполне закономерно: особая опасность управления транспортным средством в состоянии опьянения не вызывает сомнений.

В настоящее время совершенно по-новому решается также воп-

рос об ответственности лица, допустившего управление транспортным средством в состоянии опьянения повторно в течение года, соединенное с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и повлекшее последствия, указанные в статье 213 УК ЛатвССР. Если ранее при указанных обстоятельствах содеянное квалифицировалось лишь по соответствующей части статьи 213 УК ЛатвССР, то сейчас, в соответствии с руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР, такое деяние надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью I статьи 213^I (а в отношении лица, ранее судимого за управление транспортным средством в состоянии опьянения - частью 2 статьи 213^I) и соответствующей частью статьи 213 УК ЛатвССР (З.С.23-24).

Однако приведенное положение касается лишь случаев управления транспортным средством в состоянии опьянения повторно в течение года или лицом, ранее судимым за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Лицо же, впервые управлявшее транспортным средством в состоянии опьянения и совершившее при этом предусмотренное статьей 213 УК ЛатвССР преступление, подлежит уголовной ответственности лишь по данной статье Уголовного кодекса.

Рассмотрим эту ситуацию более детально и проследим механизм правового воздействия на такого рода правонарушителя.

Прежде всего, на наш взгляд, следует уяснить суть и правовое значение факта управления транспортным средством в состоянии опьянения для определения состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК ЛатвССР.

Правила дорожного движения запрещают водителю управлять транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (II.С.6). Нарушение этого запрета уже является нарушением правил безопасности движения и должно влечь, при отсутствии тяжких последствий, административную ответственность в соответствии со статьей 124 Кодекса Латвийской ССР об административных правонарушениях. Наступление же в результате этого вредных последствий, указанных в уголовном законе, влечет уголовную ответственность по соответствующей части статьи 213 УК ЛатвССР.

Однако все ли здесь так предельно просто и ясно? Ситуация осложняется тем, что управление транспортным средством в состоянии опьянения само по себе не влечет за собой наступление предусмотренных уголовным законом последствий. Оно, как правило, способствует нарушению водителем других правил движения или эксплуатации, что и приводит к автотранспортному преступлению. Таким образом, получается, что, с одной стороны, управление транспортным средством в состоянии опьянения входит в перечень допущенных водителем нарушений правил безопасности движения, а с другой стороны, является причиной или условием (в зависимости от конкретной ситуации) совершения автотранспортного происшествия с тяжкими последствиями. Должно ли это обстоятельство влиять на меру наказания, назначаемую судом за совершенное преступление?

В пункте II статьи 37 УК ЛатвССР законодатель в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, называет совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, оставляя при этом за судом право не признавать его таковым в зависимости от характера преступления. Продолжая и развивая это положение, Пленум Верховного Суда Латвийской ССР в постановлении № 2 от 13 апреля 1981 года "О выполнении судами Латвийской ССР руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда Латвийской ССР о практике судов по делам об автотранспортных преступлениях" (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 23 марта 1983 года № 3) обязывает суды при избрании меры наказания виновному в совершении автотранспортного преступления особо учитывать отношением виновного к нарушению правил дорожного движения, характер и мотивы нарушений, в частности, управление транспортным средством в состоянии опьянения, в каждом случае обсуждая вопрос о признании такого обстоятельства отягчающим ответственность (IЗ.С.392-393).

Исследования свидетельствуют, что это обстоятельство отмечено судом в качестве отягчающего в 95% изученных дел, однако при прочих равных условиях разница в средних сроках наказания, назначенного таким лицам, и тем, кто управлял транспортом в трезвом состоянии, статистически незначительна (6.С.175).

В связи с этим можно высказать предположение, что суды при определении наказания указанный фактор недостаточно учитывают или не учитывают вообще, хотя и признают его обстоятельством, отягчающим ответственность. Тем самым суды не дают должной оценки общественной опасности такого грубейшего и, бесспорно, самого опасного нарушения правил безопасности движения, как управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Однако такой подход к решению вопроса об ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, допущенное водителем в состоянии опьянения и повлекшее тяжкие последствия, является, на наш взгляд, глубоко неверным и ни в коем случае не способствует искоренению пьянства за рулем.

В данном случае речь идет о двух разновидностях неосторожной вины - преступной самонадеянности и преступной небрежности. По обоснованному мнению некоторых ученых сравнительный анализ обеих форм неосторожной вины указывает на большую опасность самонадеянности, так как виновный в этом случае хотя и в меньшей степени, чем при умысле, но все же предвидит возможность наступления вредных последствий, чего нет при небрежности, при которой виновный не проявляет должной осмотрительности (И.С.79).

Между тем, как верно отмечает В.Е.Квашис, анализ судебной практики, а также результаты изучения общественного мнения работников правоохранительных органов указывают на то, что в правоприменительной деятельности конкретный вид неосторожной вины устанавливается далеко не всегда (б.С.167). И объясняется это, по-видимому, прежде всего тем, что действующий уголовный закон не содержит прямого указания на то, какая из форм неосторожной вины является наиболее опасной, с чем неразрывно связана проблема оптимальной "дозировки" наказания за преступную неосторожность.

Представляется, что наиболее преследовательным, отражающим тенденции и перспективы развития советской уголовной политики, интересы дифференциации ответственности и наказания за автотранспортные преступления звилось бы решение, связанное с совершенствованием диспозиции статьи 213 УК ЛатвССР, путем выделения

в качестве квалифицирующего признака совершение данного преступления в состоянии опьянения. Такого рода законодательное решение в известной мере оказало бы профилактическое воздействие на формирование общественной психологии в области соблюдения норм безопасности при пользовании источниками повышенной опасности.

Определенный интерес в рассматриваемом нами аспекте вызывает и норма об ответственности за самогоноварение. Усиление антиалкогольной борьбы, повсеместное сокращение производства спиртных напитков, ограничение их поступления в торговлю и общественное питание привели к резкому росту случаев изготовления, хранения и сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки, что стало основным барьером по преодолению пьянства и алкоголизма. По данным МВД СССР в 1987 году к уголовной ответственности было привлечено 11,7 тысяч сбытчиков самогона. За самогоноварение к административной и уголовной ответственности привлечено в 1985 году более 80 тысяч человек, в 1986 году - 150 тысяч, в 1987 году - 397 тысяч человек. По некоторым экспертным оценкам в прошлом году было изготовлено 160 миллионов декалитров самогона, в то время как на госпредприятиях производство алкогольной продукции было сокращено на 168 миллионов декалитров (2.С.7).

Уголовная ответственность за изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки установлена статьей 152 УК ЛатвССР, которая дважды в течение непродолжительного времени - Указами Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 31 октября 1985 года и 18 июня 1986 года подверглась существенным изменениям. Однако представляется, что законодательная конструкция данной нормы так и не достигла своего совершенства, особенно в части определения предмета преступления.

Законодатель устанавливает, что уголовная ответственность наступает за изготовление, хранение и сбыт самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки. Поскольку в диспозиции статьи предмет преступления полностью не раскрывается, то ответ на этот вопрос следует искать в постановлении Президиума Верховного Совета СССР "О порядке применения Указа

Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении борьбы с пьянством" (7.С.125), пунктом 4 которого разъяснено, что к крепким спиртным напиткам домашней выработки следует относить также и иные спиртные напитки, выработанные путем отделения перегонкой или другим способом алкогольной массы от продуктов брожения зерна, картофеля, свеклы, винограда, сахара и других продуктов. Там же разъяснено, что не относятся к крепким спиртным напиткам вина, пиво, квасы и другие напитки, изготовленные домашним способом посредством только естественного брожения.

Из приведенного следует, что ответственность за изготовление крепких спиртных напитков домашней выработки не ставится в зависимость от процента содержащегося в них спирта, а определяющее значение имеет способ их изготовления. Если следовать технологии изготовления браги, то совершенно определенно можно заключить, что она не соответствует признакам, характеризующим крепкие спиртные напитки домашней выработки, ибо брага - это содержащаяся алкоголь жидкость, которую получают в результате брожения сахаристых веществ или содержащих их продуктов питания (7.С.97). Это, в свою очередь, позволяет прийти к выводу, что брага не является предметом преступления, предусмотренного статьей 152 УК ЛатвССР, хотя и названа законодателем в качестве его. Для обеспечения четкой законодательной формулировки следовало бы изменить диспозицию частей I и III статьи 152 УК ЛатвССР, установив уголовную ответственность за изготовление, хранение и сбыт самогона, других крепких спиртных напитков домашней выработки, а равно браги. Однако это необходимо не только для четкости формулировки состава преступления, но и важно для квалификации содеянного как оконченного преступления или покушения на него. По смыслу действующего законодательства брага может быть предметом преступления, когда ее изготовление, хранение и сбыт квалифицируются как оконченное преступление, и как алкогольная масса для изготовления самогона. В последнем случае лишь одно изготовление браги без ее использования для изготовления самогона квалифицируется как покушение на преступление. По химическому составу эти жидкости могут и не различаться, однако при квалификации эти понятия должны быть разграничены. Рекомен-

дуются это делать по конечной цели действий (Ю.С.15), которая чаще всего будет определяться исходя из показаний самого привлекаемого к уголовной ответственности, которому не безразлично, будет ли он привлечен к ответственности за оконченное преступление или за покушение на него. Изменение диспозиции статьи, как это предлагается автором, способствовало бы, на наш взгляд, правильной правоприменительной деятельности и более эффективному применению анализируемой нормы, имеющей немаловажное значение в борьбе против пьянства и алкоголизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. В Центральном Комитете КПСС: О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма // Комментарий к законодательным актам по борьбе с пьянством. Рига, 1986.
2. Аргументы и факты. 1988. № 10.
3. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 2.
4. Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. 1985. № 45. Ст. 502.
5. Гусев С.И. Верховный Суд СССР и некоторые вопросы совершенствования судебной деятельности // Высший судебный орган СССР. М., 1984.
6. Квашис В.Е. Преступная неосторожность: социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986.
7. Комментарий к законодательным актам по борьбе с пьянством, Рига, 1986.
8. Криминология. М., 1988.
9. Ляпунов Ю. Ответственность за автотранспортные преступления // Автомобиль и мы. М., 1983.
10. Мыльников С., Пикуров П., Якименко Н. Практика рассмотрения уг оловных дел о самогоноварении // Советская юстиция. 1986. № 10.
11. Правила дорожного движения. М., 1981.
12. Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1959.
13. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Латвийской ССР. 1965-1983. Рига, 1985.

В. Н. Шпикин
(Рига)

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ И АЛКОГОЛИЗМОМ

Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 27 февраля 1976 года была установлена уголовная ответственность за содержание притонов для потребления спиртных напитков (1). Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 31 октября 1985 года в статью 208 УК ЛатвССР были внесены изменения (2). Часть вторая ст. 208 УК ЛатвССР устанавливает, что "организация или содержание притонов для распития спиртных напитков, а равно систематическое предоставление помещений для этих целей - наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до трехсот рублей.

Десятилетняя практика осуществления прокурорского надзора за привлечением к уголовной ответственности за эти преступления на территории Латвийской ССР дает основания высказаться о несовершенстве ныне действующего законодательства по борьбе с организацией и содержанием притонов для распития спиртных напитков и систематическим предоставлением помещений для этих целей.

Эффективности борьбы с организацией и содержанием притонов для распития спиртных напитков препятствует несогласованность уголовного законодательства с некоторыми действующими нормами уголовно-процессуального и административного законодательства.

Прежде всего вызывает большое сомнение целесообразность проведения предварительного следствия по делам этой категории как это предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством. Расследуя дела этой категории, следователь обычно занимается только тем, что организует розыск или же сам осуществляет розыск тех лиц, которые были задержаны в притоне пьянства и которые, как правило, продолжают пьянствовать, не имеют постоянно-

го места жительства и места работы и к следователю на допрос добровольно не являются. В результате сроки расследования по делам этой категории затягиваются несмотря на простоту их фактуры.

Фактически в настоящее время эти дела расследуются не менее двух месяцев. Так, следователями следственного отделения Ленинского РОВД г.Риги за 1986-1987 годы было закончено 14 уголовных дел по статье 208 УК ЛатвССР и во всех случаях потребовался двухмесячный срок расследования. Как показал анализ этих дел, волокиты со стороны следователей допущено не было, однако эти дела не могли быть закончены в более короткие сроки, т.к. целый ряд свидетелей — лиц, задержанных в притонах, по вызовам следователей не являлись и на их розыск было затрачено много времени.

Представляется, что по делам о преступлениях, предусмотренных частью 2 статьи 208 УК ЛатвССР, следует применять протокольную форму досудебной подготовки материалов, предусмотренную статьями 407-412 УПК ЛатвССР. По некоторым однородным по степени тяжести и достаточной простоте фактической стороны преступления делам, например, по делам о злостном нарушении правил административного надзора (статья 193¹ УК ЛатвССР), как известно, успешно применяется протокольная форма досудебной подготовки материалов. Поэтому, на наш взгляд, в перечень дел о преступлениях, по которым возможна протокольная форма досудебной подготовки материалов (статья 406 УПК ЛатвССР) следует включить часть 2 статьи 208 УК ЛатвССР.

Теория и практика выработали условия привлечения к уголовной ответственности по части 2 статьи 208 УК ЛатвССР под систематическим предоставлением помещений для распития спиртных напитков понимаются действия, совершенные более двух раз (3).

Так, на практике по каждому случаю выявления притоносодержания составляется протокол с указанием перечня лиц, находящихся в притоне, однако каких-либо мер административного характера к содержанию притона не применяется, т.к. это не предусмотрено действующим административным законодательством. А это, в свою очередь, приводит к тому, что притон пьянства продолжа-

ет существовать пока не будут зафиксированы три случая притоносодержания, т.е. пока не появятся основания для возбуждения уголовного дела.

Если же такие меры ввести в административное законодательство, например, установить штраф, как это предусмотрено за нарушение правил административного надзора, это обеспечит более высокую эффективность борьбы с притоносодержанием и пьянством в случаях выявления притона. Следует учитывать, что в последнее время пьяницы, опасаясь привлечения к административной ответственности за распитие спиртных напитков в общественных местах и появление в общественных местах в пьяном виде, стремятся распивать спиртные напитки в помещениях.

В этой же связи представляется, что есть необходимость решить вопрос законодательным путем о вынесении предостережения о недопустимости притоносодержания, как это предусмотрено в настоящее время по поводу бродяжничества или ведения иного паразитического образа жизни. Практически на территории Латвийской ССР работники милиции объявляют притоносодержателю специальное предостережение о недопустимости притоносодержания, используя для этого специальный бланк, о котором нечего не указано в специальном нормативном акте, как это происходит при предупреждении за бродяжничество и ведение иного паразитического образа жизни.

Вся конструкция привлечения к уголовной ответственности за притоносодержание может выглядеть так: по первому факту выявления притона содержания пьянства выносится официальное предостережение, а также наступает административная ответственность, по второму факту - административная ответственность. В случае выявления третьего факта - собранный материал по притону пьянства сразу же в протокольной форме может быть направлен в суд.

При осуществлении прокурорского надзора приходится также рассматривать жалобы граждан по поводу незаконного доставления в медвытрезвитель из жилых помещений. Причем, по нашему убеждению, здесь имеет место несовершенство законодательства, которое не отвечает потребностям практики, что, в свою очередь, приводит к нарушениям социалистической законности. Так, при выявлении

притона пьянства работник милиции должен взять объяснения у хозяина помещения и находящихся там лиц, которые, как правило, находятся в состоянии алкогольного опьянения. При этом эти лица не могут быть доставлены в медицинский вытрезвитель: в соответствии с пунктом 18 и частью второй пункта 19 Положения о медицинском вытрезвителе при отделе внутренних дел исполкома городского, районного Совета народных депутатов, утвержденного Приказом Министра внутренних дел СССР от 30 мая 1985 года

№ 106, в медицинский вытрезвитель доставляются лица, находящиеся на улицах, в скверах, парках, вокзалах, аэропортах и других общественных местах в пьяном виде (в средней и тяжелой степени опьянения), оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Запрещается использовать экипажи медицинских вытрезвителей не по прямому назначению, в том числе, для разбора семейных конфликтов и доставления пьяных граждан непосредственно из квартир. Это правило действует даже несмотря на то, что лица, выявленные в притоне, находясь в средней или тяжелой степени алкогольного опьянения, зачастую не могут самостоятельно передвигаться.

Таким образом, объяснения у лиц, задержанных в притоне пьянства, отбираются, когда они находятся в состоянии алкогольного опьянения, что само по себе является недопустимым и приводит к тому, что эти лица на предварительном следствии отказываются от своих объяснений, мотивируя это тем, что были пьяны и не понимали, какие объяснения они давали работникам милиции. Вызвать же лиц, задержанных в притоне, для дачи объяснений в милицию затруднительно, т.к. они, как правило, на эти вызовы не являются.

Имеют место случаи, когда лица, задержанные в притоне, вначале доставляются в отдел милиции, а оттуда уже в медвытрезвитель. При этом считается, что лицо доставлено не из квартиры, а из отдела милиции. С точки зрения закона такое доставление в медвытрезвитель незаконно, а с точки зрения практической целесообразности - самое разумное. После вытрезвления задержанного, от него может быть принято объяснение, одновременно могут быть приняты меры к содержанию притона.

Представляется, что в законодательство об ответственности за содержание притонов для распития спиртных напитков следует внести некоторые изменения. Во всяком случае, следует положительно решить вопрос о доставлении граждан в вытрезвитель из притона пьянства, тем более, что многие притоны пьянства можно определить как общественное место, т.к. там собираются, как правило, двое и более человек, которые зачастую мешают нормальному проживанию соседей. Например, в следственной практике Ленинского района г.Риги уголовное дело по притоносодержанию в отношении Игнатьева было возбуждено после трех случаев выявления содержания притона. В своих жалобах соседи указывали, что лица, распивающие спиртные напитки на квартире Игнатьева, постоянно шумят, стучат по опилке в их дверь, в том числе и ночью, мешают их нормальному отдыху. Имели место случаи, когда в притоне выявляли группы до 15 человек, распивающих совместно спиртные напитки.

В этой же связи необходимо обсудить вопрос правомерности доставления граждан в вытрезвитель не только из притонов пьянства, но и из квартир, если об этом ходатайствуют родственники или соседи пьяницы, поскольку последний явно нарушает правила социалистического общежития.

Аналогичные статьи об ответственности за притоносодержание имеются также в уголовных кодексах других союзных республик, поэтому изложенное в настоящей статье имеет актуальное значение для совершенствования законодательства и судебной практики других союзных республик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. 1978. № 10.
2. Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. 1985. № 45.
3. Андреева Н., Левицкий Г. Ответственность за содержание притонов для распития спиртных напитков//Соц. законность. 1985. № 5.

В. В. Биркаво
(Рига)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В условиях перестройки и ускорения научно-технического прогресса особое значение приобретает внедрение разработанных наукой рекомендаций в социальную практику. Это относится и к криминологии, заботящейся о научном подходе к предупреждению преступности.

За последние годы в деле организации и проведения криминологических исследований накоплен значительный опыт. Однако эффективность воздействия этих исследований на практику оставляет желать лучшего, и поэтому представляет собой проблему, которая нуждается в научно-теоретическом осмыслении.

Вопрос этот имеет и очень важное практическое значение, так как еще нередко затраты на осуществление исследований, превышают практическую отдачу результатов таких исследований. Все явственнее ощущается потребность в переходе от эпизодического применения криминологических знаний к целенаправленному криминологическому обеспечению всей социальной практики.

Причин недостаточного использования научного потенциала криминологии несколько. В их число входит определенная психологическая неподготовленность к восприятию криминологической информации теми работниками, которые принимают решения. Нуждается в улучшении и криминологическая подготовка партийно-хозяйственного актива. Люди, ответственные за принятие управленческих решений в сфере предупреждения преступности, должны иметь ясное представление не столько о технике сбора криминологической информации, сколько о формах ее использования. Одно дело получить криминологические данные, интерпретировать их, разработать на их основе рекомендации, а другое - реализовать эти рекомендации в повседневной практике, принимать на их основе и исполнять соответствующие управленческие решения.

В числе актуальных задач остается повышение эффективности

уже разработанных в криминологических исследованиях рекомендаций. В настоящее время создалось такое положение, что большинство разработанных криминологами рекомендаций доступно лишь узкому кругу специалистов, регулярно читающих соответствующую литературу.

В то же время работники, непосредственно занятые в Советах народных депутатов, в трудовых коллективах, в других органах и организациях, разработкой комплексных планов предупреждения правонарушений такой информацией, как правило, не располагают. Поэтому криминологическое обеспечение социальной практики должно обязательно включать в себя доведение до сведения всех субъектов предупреждения преступности знаний, необходимых для принятия решений.

В этой связи представляется целесообразным создать централизованную информационную службу с соответствующим банком справочных данных (БД) по вопросам профилактики преступлений.

На основе этого банка данных необходимо сформировать автоматизированную информационно-поисковую систему (АИПС) "Научно-практические рекомендации по предупреждению преступлений", которая представит собой систему носителей информации о мерах по предупреждению преступлений, выработанных криминологической наукой на основе проведенных исследований. На первом этапе работы для отбора источников криминологической информации можно использовать библиографический указатель "Новая советская литература по общественным наукам" (серия "Государство и право"), издаваемый Институтом научной информации по общественным наукам Академии наук СССР ежемесячно с 1973 года.

Целесообразно формировать также подсистему АИПС по зарубежным источникам.

Формирование банка данных на основе отобранной из названного и иных источников криминологической информации должна осуществляться экспертной комиссией в составе специалистов-криминологов и практических работников правоохранительных органов с учетом требований, осуществляемых в стране радикальной перестройки во всех сферах деятельности.

Кроме того, необходимо отработать технологию поддержания

банка данных в актуальном состоянии, а также решение технических и организационных вопросов доступа пользователей системы. Цель АИПС - быстрое получение информации о разработанных наукой и практикой рекомендациях по предупреждению правонарушений.

АИПС может быть использована при решении следующих задач:

- при разработке комплексных планов социальной профилактики и поиске предупредительных мер, взаимно подкрепляющих друг друга;
- при разработке тематических планов борьбы с отдельными видами правонарушений;
- при подготовке законодательных предложений;
- при обобщениях и научных исследованиях судебно-следственной практики;
- при анализе и организации профилактической работы в отдельных регионах или на отдельных объектах (предприятиях, учреждениях и т.п.).

АИПС сама может быть объектом научно-теоретического исследования. Она может служить также средством определения новизны вновь разрабатываемых рекомендаций. Условием эффективной работы АИПС служит качество и системность информации, накопленной в банке данных, постоянное пополнение банка данных новейшей криминологической информацией, доступность для пользователей.

Представляется, что в последующем возможен и необходим переход от "обычных" АИПС библиографического характера к информационно-поисковым системам, позволяющим формировать соответствующие ответы на вопросы пользователя и в условиях неопределенности, т.е., когда вопросы пользователем сформулированы расплывчато, нечетко. Целесообразно начать разработки по созданию экспертных систем для накопления опыта специалистов в трудно формализуемых областях (например, причины преступлений и условия, способствующие их совершению). В идеале такая система на основе оценки криминологической ситуации должна формировать массив соответствующих рекомендаций профилактического характера.

Вполне понятно, что такой подход к организации предупреждения преступлений не отменяет социальное планирование борьбы с преступностью и предупреждение преступлений. Задача его в другом

- обеспечить планирование (на всех уровнях) информацией о разработанных наукой и практикой методах и средствах предупреждения преступлений.

Общезвестно, что без информации невозможно эффективное управление. Глубина и результативность решений определяются прежде всего тем, насколько прочно они опираются на фундамент объективной информации. Поэтому непременным условием эффективного осуществления предупреждения преступлений выступает надежная информационная обеспеченность. Однако характер и объем информации о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений, необходимых для предупредительной деятельности, в настоящее время определен недостаточно четко. Не преувеличивая роль информационной деятельности, можно все же предполагать, что АИПС позволит разработать своего рода перечни информации, необходимой для разных типов решений. Опыт выработки "каталогов решений" и необходимых для них "каталогов информации" имеется в ГДР. Эти каталоги в известной степени являются ориентирами в пестром мире причин, условий и мер предупреждения. С этой точки зрения исключительно нужную работу по подготовке альбомов (каталогов) мер предупреждения отдельных групп преступлений и их причин провели сотрудники Всесоюзного института проблем укрепления законодательства и правопорядка под руководством Н.П. Косыгачева.

Несомненно, что разработчикам планов и решений, направленных на предупреждение преступлений, необходимы глубокие знания тех конкретных и видоизменяющихся обстоятельств, которые способствуют преступлению. Научно-методическое обеспечение предупредительной деятельности (подготовка методической литературы, проведение учебных мероприятий и т.п.) оставляет желать лучшего. Об этом свидетельствует опрос, проведенный учеными Латвийской НИИ судебных экспертиз и криминологии должностных лиц, ответственных за проведение предупредительной деятельности на промышленных предприятиях ряда министерств Латвийской ССР. Опрос показал, что более 1/3 должностных лиц не могут назвать какие-либо работы по вопросам предупреждения преступлений. Основным источником такой информации для них служит журнал "Человек

и закон" (56% опрошенных). Почти 3/4 опрошенных должностных лиц заявили, что желательно организовать учебу на курсах или же в форме периодических лекций. 34% опрошенных указали на отсутствие необходимой методической литературы.

Необходимо преодолеть существующий информационный дефицит, который заключается в недостаточно глубоком знании обстоятельств, способствующих совершению преступлений и мер по их устранению и предупреждению. Средством, обеспечивающим преодоление информационного дефицита, являются прикладные криминологические исследования. Они - важнейший источник надежной и достоверной информации. Именно криминологические исследования позволяют правильно учесть конкретную обстановку при принятии решений профилактического характера и укрепить их научную обоснованность. Итоги таких исследований должны стать базой для определения стратегии и тактики предупредительной деятельности, для разработки комплексных планов профилактики на длительный период.

В настоящее время из-за слабого сотрудничества между юридической наукой и практикой нет крупных, так сказать, стратегических программы борьбы с негативными явлениями (З.С.9). Однако и в тех случаях, когда на основе криминологических исследований рекомендации разработаны, они недостаточно энергично внедряются в практику.

Наш опыт проведения прикладных криминологических исследований в отдельных ведомствах (общество "Знание" ЛатвССР, Латпотребсоюз) и отраслях народного хозяйства (в системе Министерства легкой промышленности, в системе Министерства торговли ЛатвССР), в отдельных регионах республики (в Московском районе г.Риги, в малых городах ЛатвССР) свидетельствует о том, что внедрению разработанных рекомендаций необходимо уделять не меньше внимания, чем самой разработке рекомендаций. Более того, как представляется, разработчики совместно с заказчиком должны подготовить план внедрения результатов исследования, которому управляющий орган своим решением придает обязательную силу.

Так, например, наиболее последовательно удалось внедрить разработку, связанную с повышением эффективности предупреждения преступности в Московском районе г.Риги. Совместным решением бю-

ро РК КП Латвии и ИК Московского района "Комплексно-целевая программа профилактики правонарушений в Московском районе г. Риги на 1981-1985 г." была принята и доведена до сведения исполнителей. Ход ее исполнения регулярно контролировался постоянной депутатской комиссией социалистической законности и охраны общественного порядка, а также специальной группой, состоящей из работников районного комитета партии, исполнительного комитета, общественных организаций и криминологов Латвийской НИИ судебных экспертиз и криминологии. Этот небольшой опыт (хотя и не во всем положительный) показывает, что авторский надзор за внедрением рекомендаций (по аналогии с авторским надзором в проектировании и строительстве) должен использоваться во всех тех случаях, когда адресат рекомендации точно определен. В этой связи требует решения вопрос о нормативном регулировании авторского надзора в криминологии.

Представляется также целесообразным после соответствующих разработок создать группу специалистов, обеспечивающих принятие необходимых мер по внедрению результатов исследования. Именно таким образом было организовано внедрение результатов исследования: "Повышения эффективности лекционной правовой пропаганды, проводимой обществом "Знание" ЛатвССР". Группа специалистов разработала комплекс мер по внедрению рекомендаций, направленных на совершенствование лекционной правовой пропаганды и в течение ряда лет осуществляла контроль и проводила обследования по реализации рекомендаций.

Все же ситуация, при которой, с одной стороны, наблюдается недостаточность знаний для принятия эффективных решений, а с другой стороны - наличие знаний, не используемых для принятия эффективных решений, в повседневной практике существует и требует более глубокого осмысления. Одна из причин такой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации в том, что криминологические разработки существуют как бы сами по себе, а органы, принимающие ответственные решения профилактического характера - также сами по себе. В результате криминологические рекомендации, которые, как правило, базируются на достаточно глубоком анализе конкретного объекта (региона), вступают в противоречие

с принимаемыми на объекте (в регионе) решениями, не учитывающими (или учитывающими на уровне обывательного, а не научного сознания) специфику криминологических процессов.

Решить эту проблему можно, включая в соответствующие исследовательские коллективы, образуемые на хозяйственных или иных началах ответственных работников и ведущих специалистов объекта (отрасли, региона). Если же исследование, обеспечивающее научную обоснованность принимаемых крупномасштабных (или долгосрочных) решений, не проводится, необходимо провести криминологическую экспертизу решения (плана).

При выработке решений в сфере предупреждения преступлений возможно и желательно более широкое использование консультантов-криминологов. Их задача состоит в том, чтобы, используя глубокие знания объективных законов общественного развития, опыт и интуицию, осуществить перевод этих законов на язык конкретных управленческих решений (2.С.339). Их предложения должны носить рекомендательный характер. Заслуживают внимания и предложения о создании специального института экспертов-криминологов при планирующих органах, об обязательном участии ученых-криминологов в центре и на местах в разработке соответствующих разделов общесоциальных и специальных планов предупреждения преступности. Об этом, в частности, говорила в своем выступлении на Координационном совещании по проблемам социального планирования борьбы с преступностью и предупреждения преступлений Л.А. Волошина (г.Рига, май 1978 г.).

Криминологическое обеспечение социальной практики требует также создания института криминологической экспертизы. Речь идет не только о криминологической экспертизе в уголовно-процессуальном понимании этого слова (1.С.68-74), но и о внепроцессуальной криминологической экспертизе. В широком смысле криминологическая экспертиза - это изучение компетентными специалистами разработанных проектов планов и иной документации с точки зрения их эффективности в аспекте недопущения и предотвращения правонарушений, с точки зрения их соответствия современному уровню криминологической науки. В такой постановке вопроса усматривается аналогия с Государственными противопожарными или

санитарно-эпидемиологическим надзором.

Следует согласиться с А.В.Сахаровым в том, что "назрела" необходимость создать в стране криминологический надзор призванный обеспечить антикриминогенное решение вопросов общественной жизни" (4,С.14).

Проведение в жизнь названных мероприятий в сочетании с практическими условиями по предупреждению преступлений позволит эффективней использовать научные достижения в области криминологии и ускорить решение сложных социальных проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виржавс В., Вульфсон Л. Перспективы криминологической экспертизы в уголовном процессе // Борьба с преступностью на современном этапе. Рига, 1980.
2. Григоров В.М. Роль экспертов в выработке управленческих решений // Научное управление обществом. М., 1972. Вып.6. С.339.
3. Кудрявцев В.Н. Правовой системе - качественно новый уровень. // Соц. законность. 1986. № 1.
4. Сахаров А.В. Методологические, методические и организационные проблемы социального планирования борьбы с преступностью и предупреждений преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып.32. С.14.

Ф. Прусак
(Щецин, ПНР)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ*

Институт прокурорского надзора за предварительным расследованием в целом и процессуальное положение прокурора в частности урегулированы уголовно-процессуальным законом. Основные вопросы этого института достаточно полно рассмотрены в польской уголовно-процессуальной литературе (I). Однако до сих пор сохраняется необходимость общего синтеза института прокурорского надзора прежде всего для того, чтобы определить место и функции прокурора в уголовном процессе.

Закон о Прокуратуре ПНР от 20 июня 1985 г. устанавливает, что задачей прокуратуры является обеспечение правопорядка (ст.3). Выполнение этой задачи, наряду с другими видами прокурорского надзора, осуществляется или путем надзора за предварительным расследованием (п. I ст.4), или путем координации деятельности по расследованию преступлений, проводимой другими государственными органами (п.9 ст.4). Объясняется это тем, что в соответствии с УПК ПНР прокурор не только возбуждает и ведет предварительное расследование (дознание или следствие), но и может поручить возбуждение или производство такого расследования другим уполномоченным на то органам уголовного преследования. Ст.24 Закона о Прокуратуре ПНР 1985 г. прямо указывает, что прокурор осуществляет надзор за предварительным расследованием, проводимым другими правомочными органами.

Модель польского уголовного процесса сформировалась по социалистическому образцу и опирается на выделение в уголовном процессе особой подготовительной группы, задачей которой является собирание доказательств, всестороннее выяснение обстоятельств дела и подготовка основы для решения вопроса об ответ-

* В дословном переводе: прокурорский надзор за подготовительным производством (Редколлегия)

ственности обвиняемого за совершение преступления. Эта первая стадия уголовного процесса, в которой наиболее полно осуществляется функция уголовного преследования, направленная на раскрытие преступления и выявление виновного и обеспечение правильного решения вопроса о его ответственности.

Уголовное преследование ведется правомочными на то органами, однако необходимость соблюдения процессуальных принципов законности, истины, объективности и других требует, чтобы ответственность за эту деятельность была возложена на один орган - прокуратуру.

Предварительное расследование может быть проведено в форме следствия или дознания, которые различаются не по сфере деятельности и характеру задач, а только по процессуальной форме.

Предварительное расследование является стадией уголовного процесса, в которой осуществляются познавательные и обеспечивающие задачи. Речь идет не только о выяснении действительно ли совершено преступление, не только о всестороннем исследовании обстоятельств дела, но и о том, чтобы собрать и зафиксировать доказательства для суда, создать условия для того, чтобы виновный в совершении преступления был привлечен к уголовной ответственности, а лицо невинное не несло бы такой ответственности. Значимость решаемых на стадии предварительного расследования задач требует осуществления надзора, проводимого конкретными органами прокуратуры для того, чтобы при сборании доказательств и выяснении обстоятельств была гарантирована правильность и функциональность уголовного преследования. Познавательные-доказательственные и обеспечивающе-гарантирующие функции предварительного расследования (ст. 261 УПК) могут быть реализованы как в форме следствия, проводимого прокурором, органом преследования по поручению прокурора (или в целом, или в определенном объеме, или путем проведения отдельных следственных действий), так и в форме дознания, проводимого, как правило, непрокурорскими органами преследования.

Процессуальная деятельность по уголовному преследованию развивается от фактического возбуждения дела до окончания расследования или прекращения дела.

Среди органов уголовного преследования ПНР (2) прокуратура занимает место главного органа преследования и публичного обвинения. Сфера ее деятельности широка и охватывает также правомочия бывшего следственного судьи (в отношении применения временного ареста). Процессуальное положение и конституционные задачи прокурора в сфере охраны правопорядка нацеливают его на координацию уголовного преследования и борьбу с преступностью.

Органами уголовного преследования в Польше являются: органы министерства внутренних дел (народная милиция и служба безопасности), органы государственного управления, военные органы и органы фискального преследования. Поскольку все эти органы осуществляют функцию преследования в рамках своих основных задач, своей ведомственной специализации, постольку обязанность прокурорского надзора здесь выступает очень отчетливо. Прокурорский надзор на практике сводится прежде всего к надзору за следственно-дознательской деятельностью органов милиции, так как именно эти органы чаще всего ведут расследование.

Прокурорский надзор охватывает не только проверку правильности действий, но также исправление допущенных ошибок, их анализ и обобщение. Прокурорский надзор воздействует на органы преследования таким способом, чтобы предварительное расследование достигло целей, поставленных перед ними законом. Целью прокурорского надзора является исправление и искоренение нарушений закона в деятельности органов, ведущих предварительное расследование. Этот надзор в стадии предварительного расследования базируется на функциональной связи и вытекающем из норм УПК процессуальном руководстве прокурора как "хозяина" процесса, непрокурорскими органами преследования

Прокурорский надзор - это контроль, осуществляемый в ходе всего предварительного расследования. Включая все элементы контроля, этот надзор опирается на данные, полученные в предусмотренном законом порядке, и на их основе оценивает правильность и оперативность ведения предварительного расследования. Надзорные права прокурора связаны с имеющимися у него властными функциями, позволяющими делать процессуальные выводы. В рамках надзора прокурор имеет право вмешиваться в деятельность органа, ведуще-

го предварительное расследование, изменять направления этой деятельности, изменять и отменять принятые решения, принимать обязательные для органа расследования решения независимо от формы и вида предварительного расследования. Прокурорскому надзору присуща ответственность за деятельность поднадзорных ему органов. Ответственность выражается в правомочии прокурора выносить свои или утверждать постановления, вынесенные органами предварительного расследования. Кульминацией этих правомочий является положение закона о том, что обвинительное заключение всегда выносится в суд прокурором.

Прокурорский надзор законодательно урегулирован ст.ст. 292-294 УПК. Он охватывает разные сферы деятельности и касается не только формально-процессуального аспекта уголовного преследования, но и процесса доказывания, не только хода предварительного расследования, но и постановления, которыми оно заканчивается. Процессуальный закон допускает различные формы осуществления прокурорского надзора: а) изучения дела, ознакомления с намерениями органа преследования, дача указаний и распоряжений о направлении расследования; б) процессуально-доказательственный инструктаж; в) принятие процессуальных решений; г) участие в следственных действиях; д) личное производство следственных действий; е) принятие дела к своему производству; ж) исправление неправомερных постановлений.

В рамках осуществления надзора прокурор может принимать решения о прекращении предварительного расследования или давать разрешение на ознакомление с делом или участие в следственных действиях, а также решать споры о компетенции или продлении процессуальных сроков.

Говоря о надзоре, осуществляемом в процессе предварительного расследования, нужно иметь в виду определенную его дифференциацию.

В предварительном расследовании участвуют различные органы, правомочные, в зависимости от своей компетенции, вести расследование частично либо в целом или осуществлять надзор за деятельностью других органов. В связи со спецификой предварительного расследования и структурными особенностями органов

прокуратуры, внутренних дел, а также других органов преследования, в процессе предварительного расследования, функционируют различные виды надзора: надзор в широком и узком смысле и служебный надзор.

Прокурорский надзор в широком смысле осуществляется на основе норм УПК и, в свою очередь, выражается в различных формах. Это, прежде всего, процессуальный надзор прокурора за деятельностью других органов преследования. Иную форму прокурорского надзора составляют правовые институты, устанавливающие контроль за обоснованностью постановлений, принимаемых в ходе предварительного расследования. В отношении неправомερных постановлений это будет так называемый инстанционный надзор, связанный с жалобой одной из сторон.

Процессуальный надзор за предварительным расследованием в широком смысле является надзором, осуществляемым прежде всего прокурором, и только как инстанционный надзор он иногда может осуществляться судом. Этот надзор исходит из функциональных связей и определяется процессуальными ролями, закрепленными в нормах УПК.

Процессуальный надзор в узком смысле - это надзор прокурора за непрокурорскими органами преследования. При таком надзоре контролирующий и контролируемый органы находятся не в структурных, а в функциональных связях. Надзор в узком смысле в основном касается фактической стороны предварительного расследования, хотя не исключает и надзора за формальной его стороной. Надзор прокурора за непрокурорскими органами преследования является таким надзором за ходом предварительного расследования, который должен осуществляться постоянно.

Служебный надзор исходит из структурных связей контролирующих и контролируемого органов и осуществляется по вертикали. Служебный надзор не закреплен в нормах УПК. Это внутренний надзор и вытекает из регламентов и инструкций, касающихся организационных основ прокуратуры, милиции и других органов преследования. Служебный надзор осуществляется постоянно, поскольку он определяется служебными обязанностями. В основе своей этот надзор занимается формальной стороной работы поднадзорных долж-

ностных лиц. Однако иногда он касается и фактических вопросов, в особенности, если речь идет об органах прокуратуры. Так, например, согласие вышестоящего прокурора как форма утверждения постановления, принятого в процессе предварительного расследования нижестоящим прокурором, является формой фактического надзора.

Инстанционный надзор по жалобам сторон представляет собой контроль за постановлениями, принятыми в процессе предварительного расследования. Жалоба, поступившая на постановление, вынесенное в процессе предварительного расследования, вызывает проверку его законности и обоснованности вышестоящей инстанцией. В предварительном расследовании такой инстанцией является прежде всего вышестоящий прокурор. В случаях, когда жалоба относится к деятельности непрокурорских органов, вышестоящей инстанцией будет прокурор, осуществляющий надзор. В исключительных случаях закон признает вышестоящей инстанцией в отношении постановлений прокурора тот суд, который будет рассматривать данное дело.

Остальные формы процессуального надзора касаются окончательных решений предварительного расследования, изложенных в постановлениях прокурора, а иногда и постановлений, вынесенных в процессе предварительного расследования. В качестве формы прокурорского надзора за предварительным расследованием законодателем предусмотрена возможность принятия правомочных постановлений по законченному предварительному расследованию. Такую возможность составляют три института: возобновление правомерно прекращенного предварительного расследования дела тем же прокурором, который вынес или утвердил постановление о прекращении (§ 1 ст.293 УПК); возобновление предварительного расследования вышестоящим прокурором (§ 2 ст.293 УПК), а отмена Генеральным прокурором правомерного постановления о прекращении или условном прекращении предварительного расследования (ст.294 УПК). Эти институты дают возможность контроля за обоснованностью правомерных постановлений, заканчивающих предварительное расследование, и их последующего изменения, возникающего или в связи с новыми обстоятельствами или же в связи с контролем за обоснованностью вообще.

Возобновление правомерно прекращенного предварительного расследования касается ситуации, при которой расследование не будет направлено против лица, допрошенного в предыдущем расследовании в качестве подозреваемого.

Основанием для возбуждения прекращенного расследования являются новые обстоятельства, указывающие на другое лицо. Органом, правомочным выносить такое постановление (при отсутствии нарушения личных прав граждан), является прокурор, который принял или утвердил постановление о прекращении расследования. Таким образом, это специфическое проявление надзора, в котором речь идет о верификации (проверке) прежней ситуации в новых обстоятельствах, при условии соблюдения закона в момент вынесения постановления о прекращении расследования.

Возобновление правомерно прекращенного предварительного расследования против лица, которое допрашивалось в качестве подозреваемого, также имеет характер верификации и тут также не обязательна констатация нарушений в предыдущем расследовании. Основанием возобновления является выявление существенных обстоятельств, не известных в предыдущем расследовании. Для привлечения того же лица в качестве подозреваемого второй раз право возобновления расследования имеет прокурор, вышестоящий по отношению к прокурору, который принял или утвердил постановление о прекращении расследования. Такое решение имеет определенные черты субординационного надзора при условии, что между прокурором и его начальником имеются функциональная и структурная связи.

Наиболее соответствует общему понятию надзора институт, подлежащий ведению Генерального прокурора, который имеет право проверить обоснованность каждого правомерного постановления о прекращении или условном прекращении расследования и в случае выявления необоснованности такого постановления, может его отменить (ст. 294 УПК).

После истечения шести месяцев с момента принятия постановления о прекращении расследования, его отмена или изменение возможны только в интересах подозреваемого.

Надзор Генерального прокурора за обоснованностью правомер-

ных постановлений прокурора имеет характер субординационного (верховного) и верификационного (контрольного) надзора. Он касается органов, связанных структурно и функционально.

Специфическим видом надзора является инстанционный надзор, который дает возможность контроля неправомερных постановлений прокурора только тогда, когда поступает жалоба от одной из сторон. Инстанционный надзор осуществляется только по инициативе сторон и в отношении постановлений прокурора, ибо не прокурорские постановления могут быть всегда отменены или изменены прокурором, осуществляющим надзор (§ 2 ст. 292 УПК). Рассматривать жалобы имеет право, прежде всего, вышестоящий прокурор, а в исключительных, предусмотренных законом случаях, - суд. Это надзор верификационного характера. Если жалоба рассматривается вышестоящим прокурором, то такой надзор имеет также субординационный характер, базирующийся не только на функциональной, но и на структурной связи между органами. Однако, если правомочным на рассмотрение жалобы органом является суд, то субординационный характер вытекает из функциональной связи процессуальных ролей, установленных УПК.

В связи с инстанционным надзором прокурора, его процессуальной самостоятельностью возникает проблема роли и контрольной функции суда в предварительном расследовании. В соответствии с нормами УПК суд может вмешаться в ход предварительного расследования по следующим основаниям:

- 1) как орган, наделенный исключительными правомочиями по принятию решений или совершения конкретных действий в процессе предварительного расследования;
- 2) как единственный орган, правомочный рассматривать жалобы на постановления прокурора;
- 3) как орган, правомочный непосредственно или опосредованно оценивать материалы всего предварительного расследования не только с формальной, но и с фактической стороны дела.

Определенные постановления, связанные с некоторыми средствами принуждения, всегда выносит суд.

Охранительную грамоту, являющуюся формой договора с обвиняемым, всегда выдает местный воеводский суд (ст. 239 УПК).

Решение о конфискации предмета поручительства или о получении суммы поручительства в процессе предварительного расследования принимает суд, которому подсудно дело, по представлению прокурора (ст.230 УПК). Назначение защитника на предварительном расследовании в случаях, предусмотренных ст.ст.69, 70 УПК, происходит в форме распоряжения председателя соответствующего суда (§ I ст.74 УПК). Независимо от стадии процесса, если возникают сомнения в отношении того, кому надо выдать определенный предмет, он сдается в депозит суда (ст.200 УПК). Таким образом, суд является единственной инстанцией, правомочной принять этот предмет на хранение. После окончания предварительного расследования и вынесения прокурором постановления о прекращении дела в отношении лица, являющегося обвиняемым, все дальнейшие решения по применению соответствующих мер к этому лицу принимает суд по представлению прокурора. После вынесения прокурором постановления о прекращении расследования по малозначительности содеянного или обстоятельствам, исключающим наказание виновного, а также после вынесения постановления об условном прекращении дела вопрос о конфискации, предусмотренный ст.48 УПК также решается судом. Следует отметить, что все эти правомочия суда в основном прямо не влияют на ход самого предварительного расследования, а касаются прав участников процесса. Правомочие суда рассматривать в некоторых случаях жалобы на постановления прокурора, вынесенные в ходе предварительного расследования, обусловлено принципами охраны прав граждан в уголовном процессе, предоставление гражданину реальной возможности обжаловать в независимый суд решение, которое связано с лишением или ограничением его личных прав.

К постановлениям прокурора, подлежащим после поступления жалобы сторон инстанционному контролю суда, относятся: постановление о лишении свободы в форме ареста (§ 2 ст.212 УПК), постановление о назначении наблюдения в лечебном заведении (§ 4 ст.184 УПК); постановление об условном прекращении прачеведства в части условий прекращения (ст.289 УПК).

В процессе расследования в связи с жалобой на предварительный арест, или в связи с его продлением, после принятия ре-

шения судом дальнейшие действия осуществляет только суд. Так, жалобу на решение суда, принятие в результате рассмотрения жалобы на постановление прокурора о применении предварительного ареста, рассматривает кассационный суд (§ 3 ст.212 УПК). Жалобу на решение воеводского суда о продлении предварительного ареста на определенный срок, необходимый для завершения следствия, принятое по предложению воеводского прокурора, рассматривает Верховный суд (§ 2 ст.222 УПК).

Материалы предварительного расследования, поступившие в суд с обвинительным заключением, подлежат как формальному, так и фактическому контролю. Формальный контроль дает возможность председателю суда вернуть обвинительное заключение обвинителя для устранения недостатков формального характера (ст.296 УПК).

Правомочия суда по оценке законченного обвинительным заключением предварительного следствия имеют разные формы. Реализация этих правомочий есть вид контроля, поскольку суд оценивает правильность следственных действий или обоснованность принятых решений. Особенность этого контроля состоит в том, что он всегда выражается в негативной или позитивной оценке, а не в приказе субординационного характера. Рассматриваемый контроль, таким образом, не является надзором. Суд на подготовительном и судебном заседаниях может признать наличие существенных недостатков в материалах предварительного расследования, т.е. относительно негативно оценить его. Право же на возвращение дела для устранения обнаруженных недостатков может быть реализовано только при условии, когда устранение этих недостатков судом связано со значительными трудностями (§ I ст.299, § I ст.344 УПК). Таким образом, основанием возвращения дела на доследование являются праксеологические обстоятельства.

Суд, являясь органом окончательно разрешающим дело, имеет право иначе чем прокурор оценивать доказательственный материал и выражать это в своих решениях. Такими решениями, принимаемыми на подготовительном заседании, являются, например, постановление о прекращении дела (п. I § I ст.299 УПК), постановление о прекращении дела ввиду отсутствия фактических оснований обвинения, а также постановленный в судебном заседании оправдательный

приговор (приговор о признании невиновным). Если вмешательство суда в предварительное расследование в принципе касается личных прав граждан и лишь косвенно может влиять на его процесс, то после окончания предварительного расследования правомочие суда по разрешению дела неразрывно связано с его правом на получение достаточного доказательственного материала и принятие самостоятельного и независимого решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Prusak F. Nadzór prokuratora nad postępowaniem przyzgotawawszym. Warszawa, 1984.
2. Prusak F. System organów ścigania karnego w Polsce // Zeszyty Naukowe ASW. 1982. N 32

З.Съвида-ЛАГИВСКА
(г.Щецин, ГНР)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Главной целью уголовного процесса является реализация уголовного материального права. Уголовно-процессуальные нормы должны быть сформулированы так, чтобы, обеспечивая надлежащую справедливость, определяли обязанности участников процесса, а также гарантировали бы соблюдение прав и свобод лиц, выступающих в уголовном процессе. При этом существенным является установление соответствующих пропорций между нормами, гарантирующими соблюдение необходимой справедливости и осуществление общественных интересов, и нормами, обеспечивающими охрану личных прав граждан в уголовном процессе.

Предметом уголовного процесса является разрешение судом вопроса об уголовной ответственности. Это осуществляется в ходе состязательного процесса. Принцип состязательности находит свое

отражение не в отдельной конкретной норме, а вытекает из ряда норм уголовно-процессуального кодекса. Наука признает существование этого принципа в уголовном процессе (З.С.371; 6.С.89; 14.С.243; 19.С.65; 24.С.194; 28.С.66; 32.С.55; 33.С.359). Состязательность процесса означает, что он в своей основе должен быть борьбой равноправных сторон, имеющих законное право спорить перед независимым судом. Для юрисдикции состязательность процесса является методом поиска истины и принятия судом правильного решения. Для субъектов процесса, находящихся в конфликтной ситуации и заинтересованных в результатах рассмотрения дела, состязательность процесса является возможностью защиты их прав и благоприятного для них завершения судебного разбирательства.

Принцип состязательности является директивой, адресованной процессуальным органам и направленной на обеспечение возможности участникам процесса вести спор. Он является также директивой, гарантирующей сторонам право пользоваться возможностью ведения спора перед судом.

В чистом виде принцип состязательности предполагает, что стороны сами собирают и представляют доказательства суду. В уголовном процессе ПНР, как и в других континентальных системах, процесс доказывания ведет суд. Прокурор, как государственный обвинитель, обязан указывать доказательства, обосновывающие обвинительное заключение, а стороны в процессе доказывания имеют права на определенные инициативы. Принцип состязательности в уголовном процессе ПНР проявляется в судебных стадиях процесса в разной степени. Следует признать, что в подготовительной стадии существуют только некоторые элементы состязательности. В стадии же рассмотрения дела (юрисдикции) этот принцип доминирует.

Осуществление прав, предоставляющих стороне (физическому лицу) возможность ведения спора в процессе, требует законодательных средств, регламентирующих судебные-процессуальные гарантии. Речь идет о законодательных средствах, предоставляющих лицу как стороне возможность выступать в уголовном процессе в целях охраны своих прав или интересов.

Право человека на то, чтобы вопрос о его правах в опреде-

ленных ситуациях решал суд, гарантируют нормы международного и внутреннего права.

Конституция ПНР гарантирует гражданам юрисдикцию, осуществляемую судом (п.1 ст.56 и ст.57 Конституции). Уголовно-процессуальные гарантии предусмотрены конкретными нормами УПК или вытекают из процессуальных принципов, хотя непосредственно они и не включены в нормы. Предметом гарантий являются процессуальные права субъектов. Для того, чтобы процессуальные гарантии осуществлялись на практике, должны существовать также конкретные фактические гарантии в виде соответствующих средств, обуславливающих надлежащее применение процессуальных гарантий.

Гарантии прав граждан в процессе - это гарантии прав и интересов лиц, фигурирующих в процессе в качестве сторон, т.е. в качестве обвиняемого или потерпевшего как физического лица. Потерпевший может выступать в качестве стороны в предварительном расследовании (подготовительном процессе). В судебном же разбирательстве он выступает в зависимости от обстоятельств в качестве частного обвинителя, общественного обвинителя или гражданского истца. Физическое лицо как сторона в уголовном процессе должно иметь возможность охраны своих прав и интересов перед судебными органами, а также защиты от возможной судебной ошибки.

Лица, выступающие в уголовном процессе в качестве сторон, не обладают равными способностями защитить свои интересы и права. Средством выравнивания их возможностей в процессуальном споре должны служить законодательные нормы, предоставляющие им одинаковые права и гарантирующие их соблюдение.

Прежде всего, речь идет о таких правах, которые предоставляют стороне возможность активно действовать в процессе, и таких, которые облегчают эту деятельность, в том числе, право на информацию о процессуальной ситуации, а также право высказывать свое мнение относительно хода процесса.

Реализация гарантий прав лица, выступающего в процессе в качестве стороны, связана с обеспечением принципа состязательности в уголовном процессе.

Обвиняемый как процессуальная сторона имеет определенные обязанности. Потерпевший имеет обязанности, если он выступает в

роли свидетеля. Однако охрана своих прав обвиняемым и потерпевшим всегда имеет в процессе характер правомочий. Таким образом, возможность процессуальной борьбы должна быть гарантирована нормами закона, но ее осуществления зависит от воли правомочных субъектов. Состязательность способствует реализации гарантий прав граждан в уголовном процессе, позволяя выступать им в роли процессуальной стороны (обвиняемого или потерпевшего).

Процессуальные интересы обвиняемого и потерпевшего в своей основе противоположны. Существенным условием состязательности выступает равноправие сторон в уголовном процессе. Защита своих интересов одной из сторон обычно выступает как действие, противоречащее интересам другой стороны, хотя возможна также случайная согласованность некоторых их действий в процессе.

Основные условия равноправия сторон - это их независимость, равные права на процессуальные действия, а также одинаковые правовые требования относительно их процессуальных действий. Законодательное обеспечение равноправия сторон в процессе не всегда означает их фактическое равноправие, что обуславливается процессуальным положением сторон в процессе, их личной заинтересованностью в споре, а также ценностной значимостью благ, по поводу которых ведется спор.

Говоря об обвиняемом как процессуальной стороне, противоположной прокурору, нельзя не заметить, что между этими сторонами полное равноправие невозможно. Это неравноправие определяется характером деятельности прокурора как государственного обвинителя, его профессиональной квалификацией.

При рассмотрении прав обвиняемого и потерпевшего, то есть субъектов лично заинтересованных в результатах процесса, выступает различие, связанное с ценностями, за которые эти субъекты ведут борьбу в процессе. Именно поэтому законодатель предусмотрел некоторые преимущества для обвиняемого в виде определенных прав, присущих только этой процессуальной стороне (например, право на последнее слово).

Неравенство прослеживается также между правами потерпевшего в стадии судебного разбирательства в зависимости от того, выступает ли он в качестве частного обвинителя, или общественного обвинителя, или гражданского истца, что вытекает из характера про-

цессуальных ролей последних. Неравенство сторон не исключает принципа состязательности в процессе, но обуславливает обязанности суда облегчить более слабой стороне ведение спора.

Обязанность доказывать обоснованность жалобы, являющейся основой возбуждения дела и выражающей в принципе так называемого *onus probandi*, неразрывно связана с правом на защиту обвиняемого. Осуществление этих двух принципов в уголовном процессе одновременно является реализацией принципа состязательности. Состязательность, т.е. инициатива доказывания своих интересов в процессе - это борьба сторон в которой, с одной стороны, выступает государственный обвинитель, несущий обязанность "бремени доказывания", а с другой - обвиняемый, охраняемый презумпцией невиновности и наделенный правом на защиту.

Иначе представляется вопрос о состязательности в уголовном процессе при споре между физическими лицами, т.е. между потерпевшим (активная сторона) и обвиняемым (пассивная сторона). В этом случае доказывание потерпевшим своей правды подобно защите обвиняемого имеет характер правомочий, а начало процессуальной борьбы зависит от воли правомочных субъектов.

Уважение прав личности в рамках уголовного процесса - это уважение прав обвиняемого и потерпевшего. Нормативное отражение прав личности как стороны в уголовном процессе вытекает из анализа международных актов, а именно, из положений Всеобщей декларации прав человека, а также международных пактов прав человека, Конституции ПНР и уголовно-процессуального кодекса. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. рекомендована к распространению среди правительств государств - членом ООН.

Комиссия по правам человека подготовила Пакты прав человека, принятые 19 декабря 1966 г. От имени ПНР Государственный совет 3 марта 1977 г. признал Пакт в целом и по отдельным его пунктам и постановил, что он является принятым, ратифицированным и подтвержденным. Конституция ПНР, принятая 22 июня 1952 г. (текст от 16 февраля 1976 г.), в седьмой главе "Суд и прокуратура", а также в восьмой главе "Основные права и обязанности граждан" включает нормы, определяющие права человека в уголовном процессе (ст.ст. 63 и 87 Конституции). Уголовно-процессуальный кодекс, регламентирующий производство по делу, должен в число норм, касающихся гарантий

прав человека, включать и диспозиции, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека и Международных Пактах прав человека.

В ходе уголовного процесса на обвиняемом лежат определенные обязанности. Ими являются: 1) обязанность обвиняемого, оставленного на свободе, являться по каждому вызову следователя, а также уведомлять об изменении места жительства или длительного пребывания, о чем обвиняемый предупреждается при первом допросе (§ 1 ст.66 УПК). Невыполнение этой обязанности без уважительных причин может повлечь принудительный привод обвиняемого (§ 2 ст.66 УПК); 2) обязанность подвергнуться (если это необходимо для целей доказывания): а) наружному телесному освидетельствованию и другим требованиям, не связанным с нарушением телесной неприкосновенности, например, взять у обвиняемого отпечатки пальцев, фотографировать его или предъявлять для опознания при соответствующих условиях; б) психологическим и психиатрическим обследованием, а также исследованиям, связанным с проведением определенных процедур на его теле - за исключением хирургических - при соблюдении определенных условий, например, получение образцов крови или выделений организма обвиняемого (ст.65 УПК).

Принцип презумпции невиновности обвиняемого определяет его положение в уголовном процессе (16). Презумпция невиновности обвиняемого сформулирована в п.1 ст.ХI Всеобщей декларации прав человека, а также п.2 ст.14 Пактов прав человека.

В польском праве презумпцию невиновности определяет Уголовно-процессуальный кодекс, который устанавливает, что "обвиняемый не считается виновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом" (§ 2 ст.3 УПК).

Процессуальное выражение прав обвиняемого составляют прежде всего права: на защиту, личную свободу и неприкосновенность, а также право на неприкосновенность жилища и тайну переписки.

Право на защиту является основным правом обвиняемого. Это право включает фактический (материальный) аспект осуществления защиты и формальный аспект - использование услуг защитника. Нормы, регламентирующие гарантии осуществления защиты, включены в Конституцию ПНР (п.2 ст.63). В общих нормах УПК определено, что обвиняемый наделен правом на защиту и правом пользоваться помощью защитника (ст.9 УПК).

После ознакомления с содержанием обвинения (ст.269 УПК) обвиняемый решает вопрос о своей защите. Он самостоятельно принимает решение в отношении своих объяснений и доказательственной инициативы. В сфере формальной защиты обвиняемый имеет право на выбор защитника, хотя закон (ст.ст.70, 71 УПК) предусматривает также случаи обязательного наделения защитником по объективным соображениям (когда обвиняемый является глухим, немым, слепым, или когда имеются сомнения относительно его вменяемости).

УПК определяет, что обвиняемый имеет права давать объяснения, однако он вправе без объяснения причин отказаться от дачи показаний (ст.63 УПК).

Включенная в Пакты норма, устанавливающая, что обвиняемый "не может быть принужден к даче показаний против себя или к признанию вины" (п.3 ст.14 Пактов) находит определенное, хотя и слишком общее отражение в УПК. Его нормы определяют, что "допрашиваемому лицу предоставляется возможность свободно высказаться в пределах, определенных целью данного действия..." (§ I ст.157 УПК), а объяснения, полученные в условиях, исключающих возможность свободного высказывания не могут служить доказательством (§ 2 ст.157 УПК). (8.31). Существенным правом обвиняемого является возможность свободного выбора независимого адвоката (ст.14 Пактов, п.2 ст.63 Конституции, § I ст.73 УПК).

Нормы УПК гарантируют защиту и в том случае, если обвиняемый сам не выбрал себе защитника (ст.ст. 70 и 71 УПК). Обвиняемый может требовать назначения защитника, если он "не в состоянии без ущерба для должного содержания себя и своей семьи нести расходы по защите" (ст.69 УПК).

Полная реализация права на защиту осуществляется путем общения со своим защитником. (17; 5).

Обвиняемый, подвергнутый предварительному аресту, вправе общаться со своим защитником в отсутствие других лиц либо письменно (§ I ст.64 УПК). Однако это право, к сожалению, в процессе предварительного расследования нередко нарушается.

Несоблюдение установленных законом условий защиты является прямым или косвенным процессуальным нарушением.

Каждый человек имеет гарантированное право на личную свободу и неприкосновенность, если даже он является подозреваемым или

подсудимым в уголовном процессе (ст. IX Декларации, ст. 9 Пактов, п. 1 ст. 87 Конституции).

Праву на личную свободу и неприкосновенность известны исключения в виде институтов задержания (до начала процесса), предварительного заключения (в ходе процесса) и лишения свободы как наказания, предусмотренного провозмущим приговором. Закон устанавливает обязанность органов, применяющих задержание, формулировать основания задержания. Арест является одним из предупредительных средств и может применяться к обвиняемому в ходе уголовного процесса (4; 20; 23). Гарантиями надлежащего применения этого института является соблюдение законодательно установленной процедуры, прежде всего предусмотренных в УПК оснований ареста, соблюдение требований, связанных с определением сроков ареста, а также его продления, обязательное включение срока предварительного заключения в назначенное наказание, а также институт возмещения ущерба в случае ошибочного ареста.

Инициатива обвиняемого по осуществлению права на личную свободу в связи с применением к нему ареста может выразиться: в ходатайстве об отмене ареста (ст. 214 УПК), в обжаловании постановления о применении ареста (§ 2 ст. 212 УПК), в подаче жалобы по поводу продления срока ареста (§ 3 ст. 222 УПК).

Особой формой гарантии соблюдения права на свободу является институт возмещения ущерба за необоснованное осуждение. Нормы УПК предусматривают, что осужденный, который в результате пересмотра или в порядке надзора был оправдан или осужден по другой, предусматривающей более мягкое наказание, имеет право требовать от государственного казначейства возмещения материального ущерба, а также удовлетворение морального ущерба, которые возникли в результате исполнения в целом или частично необоснованного наказания (§ 1 ст. 487 УПК) или, если дело прекращено по обстоятельствам, не учтенным в ходе предыдущего разбирательства (§ 2 ст. 487 УПК).

Каждый человек имеет право на правовую защиту неприкосновенности жилища и тайны переписки (ст. XI Декларации, ст. 17 Пактов, п. 2 ст. 87 Конституции). Исключением из этого правила является возможность проведения в целях обнаружения доказательств по делу (ст. 190 УПК), а также выдача по требованию суда или прокурора корреспонденции или посылок, имеющих значение по делу (ст. 198 УПК).

Процессуальная инициатива лица, у которого производится обыск, может выразиться в форме требования ознакомиться с постановлением. Право на такое требование следует разъяснить обыскиваемому (§ 2 ст.191 УПК).

Законом предусмотрена также возможность подачи жалобы на постановление о выдаче суду или прокурору переписки или посылки, имеющих значение для дела (§ 2 ст.198 УПК).

Потерпевшим является физическое лицо, законный интерес которого вследствие преступления непосредственно нарушен или поставлен под угрозу (§ 1 ст.40 УПК) (9; 25).

Пользование правами, которые закон предоставляет потерпевшему (физическому лицу) как стороне в уголовном процессе, всегда имеет факультативный характер и зависит от воли потерпевшего. Однако если потерпевший является свидетелем по делу, то на нем лежат все обязанности по даче показаний.

Потерпевший имеет в уголовном процессе определенные права, связанные с возбуждением дела. Наиболее существенными права имеет потерпевший по делам, возбужденным не иначе как по его заявлению (II; 12). Закон предусматривает прямой запрет возбуждения дела и проведения расследования при отсутствии заявления по делам данной категории (§ 3 ст.5 УПК). По делам, рассматриваемым в порядке частного обвинения, потерпевший может в качестве частного обвинителя предъявлять и поддерживать обвинение (§ 1 ст.49 УПК). Если потерпевший откажется от своей жалобы, процесс следует прекратить из-за отсутствия жалобы правомочного обвинителя (п.4 ст.II УПК).

Потерпевший имеет право на получение информации об отказе в возбуждении дела, вправе подать жалобу на такое постановление, а также вправе ознакомиться с материалами дела (§ 2 ст.260 УПК). Если потерпевшему не разъяснены его права или разъяснены неправильно, то это не может не вызвать для него отрицательные процессуальные последствия (§ 1 ст.10 УПК).

Закон допускает участие потерпевшего в качестве субсидарного обвинителя в процессе о преступлениях, преследуемых в порядке публичного обвинения с тем, чтобы он мог защищать свои интересы, действия "рядом" с прокурором в состязательном процессе (I6; 30). Потерпевший, если суд допустит его к участию в роли субсидарного обвинителя, имеет право выступать как сторона даже если государ-

ственный обвинитель откажется от обвинения (ст.47 УПК). В частности, он имеет право на инициативу в доказывании, присутствовать в зале заседания во время всего процесса (§ 2 ст.331 УПК), произнести речь после окончания судебного разбирательства (ст.352 УПК), обжаловать приговор (ст.395 УПК).

Потерпевший может выступить в уголовном процессе в роли гражданского истца (ст.52 УПК) (7). Осуществление этого права возможно при наличии определенных законом формальных условий (ст.55 УПК), а также при достаточности доказательств (§ 3 ст.362 УПК). После принятия судом представленного в срок и отвечающего требованиям закона гражданского иска, потерпевший имеет право участвовать в процессе в качестве стороны, в частности, он имеет право: на инициативу доказывания (ст.56 УПК), на присутствие в зале заседаний во время всего процесса (§ 2 ст.331 УПК), на выступление с речью после окончания судебного разбирательства, на обжалование приговора, но только в случае, если приговор обжалован обвиняемым или опротестован обвинителем (§ 1 ст.396 УПК).

Право на предъявление гражданского иска кроме потерпевшего имеет также прокурор. Он может поддерживать заявленный потерпевшим иск, если решит, что этого требует общественный интерес (ст.54 УПК).

Потерпевший от деяния, которое признано преступлением, преследуемым в порядке частного обвинения, имеет право в качестве обвинителя вести и поддерживать обвинение или присоединиться к судебному разбирательству по частному обвинению, начатому другим потерпевшим (18; 10). Как частный обвинитель он имеет право участвовать в процессе в качестве стороны, и при этом вправе: требовать гласности разбирательства о клевете или оскорблении (§ 2 ст.308 УПК), участвовать в доказывании, присутствовать в зале заседаний в течение всего судебного разбирательства (§ 2 ст.331 УПК), самостоятельно обжаловать приговор.

Инициатива доказывания и право на участие в прениях сторон являются инструментом состязательности процесса. Права сторон на инициативу доказывания являются существенными элементами осуществления состязательности уголовного процесса. Стороны (кроме государственного и частного обвинителя) имеют право (не обязанность) представления доказательств (2; 25).

В уголовном процессе принцип состязательности осуществляется прежде всего в суде первой инстанции. Подготовительной стадии (расследованию) присущи лишь отдельные элементы принципа состязательности (27.С.200; 33.С.259). В подготовительном процессе стороны (т.е. подозреваемый и потерпевший) не имеют возможности вести между собой доказательственный спор. Осуществление их законных прав на осведомленность и участие в процессе расследования зависит от решения прокурора.

Принцип состязательности должен быть полностью реализован, хотя бы в стадии судебного разбирательства. Однако законодатель до настоящего времени не принял решения полностью отвечающего идее состязательности как спора равноправных сторон перед независимым судом (3.С.289; 24.С.154). Принцип состязательности в судебном разбирательстве в соответствии с УПК ограничен правом суда на исследование и оценку доказательств и принятие решений относительно доказательств сторон, а также обязанностью проявлять инициативу по доказыванию.

Фактическое осуществление принципа состязательности зависит прежде всего от способа ведения судом процесса, а также от активности (в пределах, предусмотренных законом) процессуальных сторон (13). Для осуществления состязательности процесса закон предоставляет сторонам право инициативы доказывания в виде: ходатайства об истребовании доказательств (ст.155 УПК), постановки вопросов свидетелям (ст.314 УПК), возможности высказывания по каждому подлежащему разбирательству вопросу (ст.315 УПК), в том числе и о своем отношении к доводам другой стороны (§ 2 ст.315 УПК). Эти права, однако, являются ограниченными, так как решение о принятии или отклонении ходатайства об истребовании доказательств принимает суд (ст.155, 316 УПК), вопросы во время разбирательства сначала задает суд, а только потом стороны, председательствующий имеет право отклонить вопрос, который считает несущественным (§ 2 ст.314 УПК).

Основное право стороны касается возможности пересмотра неправильного по ее мнению решения. Это право на обжалование приговора суда первой инстанции.

Нормы УПК определяют некоторые различия в правах отдельных сторон на обжалование (26). Право обвиняемого, например, обеспе-

чивается запретом reformationis in reum (§ I ст. 383 УПК). Этот запрет охватывает также действия суда в случае передачи дела на новое рассмотрение (ст. 408 УПК).

Закон ограничивает право общественного обвинителя на обжалование, устанавливая, что он может обжаловать приговор только в части определения вины (§ I ст. 396 УПК). Осужденный подлежит защите от нового осуждения или наказания за преступление, за которое уже был правомочно осужден. Нормы УПК предусматривают отказ в возбуждении дела или прекращении возбужденного, если расследование относительно того же деяния и в отношении того же лица ранее было правомочно окончено или ранее возбужденное дело расследуется (п. 7 ст. II УПК).

В польской юридической науке признается, что современная польская правовая регламентация правосудия по уголовным делам является достаточной и соответствует духу документов Объединенных наций, касающихся прав человека (I.C.II; 22.C.56). Однако это не совсем так, ибо некоторые институты и решения не в полной мере служат охране прав личности, что признают также и сторонники мнения о соответствии польского уголовного процесса Пактам Прав Человека (22.C.56).

На XII Конгрессе Международной ассоциации Уголовного Права (АТРД) в 1979 году в ходе работы III Секции, посвященной защите прав человека в уголовном процессе, постулировалось создание форм международного контроля за соблюдением прав человека в уголовном процессе и уголовной процедуре в отдельных странах (29. C.188).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Bafia J. Ratyfikacja Paktu Praw Człowieka w PRL. PiP. 1977 N 4.
2. Cieślak M. Zagadnienia dowodowe. Warszawa, 1955.
3. Cieślak M. Polska procedura karna. Warszawa, 1971.
4. Cieślak M. Przemiany w zakresie polityki stowowania tymczasowego aresztowania. Studia KKiP. 1977. N 7.
5. Cieślak M. W kwestii cenzury korespondencji tymczasowego aresztowanego ze swym ottonca. Pał. 1980. N 8-9.
6. Daszkiewicz W. Proces karny. Torun, 1976.
7. Daszkiewicz W. Powodztwo cywilne w procesie karnym. Warszawa

1976.

8. Daszkiewicz W. Swoboda wypowiedzi jako przesłanka ważności dowodu w postępowaniu karnym. PiP. 1979. N 8-9.
9. Falandysz L. Pokrzywdzony w prawie karnym i wiktymologii. Wvd. Prawn. Warszawa, 1980.
10. Gaberle A., Czapska J. Postępowanie w sprawach z oskarżenia prywatnego (w świetle badań praktyki oraz opinii uczestników). Ossolineum, 1983.
11. Grajewski J. Ściganie na wniosek w Polskim Procesie karnym. Gdańsk, 1982.
12. Grzegorzczak T. Wnioskowy tryb ścigania czynów karalnych. Łódź, 1986.
13. Kalinowski S. Rozprawa główna. Warszawa, 1975.
14. Kalinowski S. Polski Prosec karny w zarysie. Warszawa, 1979.
15. Kniecik R. Oskarżyciel posiłkowy w procesie karnym. Warszawa, 1977.
16. Lipczyńska M. Stanowisko oskarżonego w procesie karnym Polski Ludowej. Warszawa, 1956.
17. Lipczyńska M. Problematyka kontaktów obrońcy z oskarżonym aresztowanym - w świetle nowego kodeksu postępowania karnego oraz kodeksu karnego wykonawczego. Pal. 1970. N 2.
18. Lipczyńska M. Oskarżenie prywatne. Warszawa, 1977.
19. Lipczyńska M. Polski proces karny. Warszawa, 1986.
20. Lvczwek R. Instytucja aresztu tymczasowego w projekcie kodeksu postępowania karnego. Pal. 1969. N 1.
21. Marek M. Ofiara przestępstwa a wzmiar sprawiedliwosci. - Studia KKiP. 1985. N 16.
22. Michalski W. Prawa obywatelskie a wzmiar sprawiedliwosci w sprawach karnych. PiP. 1979. N 11.
23. Murzynowski A. Areszt tymczasowy i inne srodki zapobiegajace uchylaniu siec od sadu. Warszawa, 1966.
24. Murzynowski A. Istota i zasady procesu karnego. Warszawa, 1976.
25. Nelken J. Wniosek dowodowy na tle kodeksu postępowania karnego. Pal. 1971. N 2.
26. Frusak F. Podstawy rewizji w procesie karnym. Bvdgoszcz, 1970.

27. Prusak F. Pociągnięcie podejrzanego do odpowiedzialności w procesie karnym. Warszawa, 1973.
28. Sliwinski S. Polski proces karny przed sadem powszechnym. - Warszawa, 1961.
29. Sprawozdanie z XII Kongresu Międzynarodowego Stowarzyszenia Prawa Karnego (AIDP) w Hamburgu. Zesz. Nauk. IBPS. 1981. N 14.
30. Swida-Lagiewska Z. Oskarzyciel posiłkowy w świetle czeczniotwa Sadu Najwyższego. NP. 1975. N 1.
31. Swida-Lagiewska Z. Dvskwalifikacja dowodu w trybie art. 157 § 2 k.p.k. NP. 1984. N 4.
32. Taras T. i inni. Prosec karny. Lublin, 1975.
33. Waltos S. Model postępowania przygotowawczego na tle prawno-porównawczym. Warszawa, 1968.
34. Waltos S. Proces karny. Zarvs svstemu. Warszawa, 1985.

М. П. ШЕНУКОВ

(Рига)

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА *

Фигура подозреваемого привлекает внимание научных работников с момента разработки и принятия ныне действующего уголовно-процессуального закона. На страницах юридической печати почти каждый, писавший о подозреваемом, критически оценивал процессуальное положение подозреваемого и высказывал предложения по его совершенствованию. При этом речь шла и о необходимости расширения понятия подозреваемого, и о совершенствовании порядка вовлечения в

* В этой статье использованы данные, полученные при изучении уголовных дел членами студенческого научного кружка студентами Гавриловым И., Руснак О., Рутковским П., Шмаукстеле В., Шмитинь Д., Фрейманис А.

процесс, и о наделении более широкими процессуальными правами, и об уточнении сроков нахождения лица в положении подозреваемого, и об усилении гарантий его прав, т.е. в конечном итоге о максимальном возможном обеспечении прав и охраняемых законом интересов лиц, заподозренных в совершении преступления. К сожалению, в течение 38 лет ни одно из высказанных предложений не было принято законодателем. Институт подозреваемого сохранился в нашем уголовно-процессуальном законодательстве по сути дела в том же самом качестве, в каком он был и в момент его принятия. Недостатки этого правового института относительно объективного, хотя и неполно, изложенные в специальной литературе, стали ныне предметом публицистики и тем самым обратили на себя внимание широкой общественности.

Представляется, что в условиях перестройки всей нашей общественной жизни это обстоятельство поможет преодолеть неностижимое безразличие к проблемам подозреваемого правоохранительных органов, наделенных правом законодательной инициативы, и при реформе уголовно-процессуального закона создать такую правовую модель фигуры подозреваемого, которая явится оптимальным вариантом сочетания прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, с интересами правосудия как выражением интересов общества в сфере борьбы с преступностью. В целях создания такой модели считал бы возможным высказать некоторые соображения.

О ПОНЯТИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО. Понятие подозреваемого по действующему уголовно-процессуальному закону, в частности по УПК Латвийской ССР (ст.121), нельзя признать удовлетворительным. Оно не отвечает насущным потребностям практики расследования уголовных дел и потому влечет за собой, во-первых, несоблюдение требований процессуального закона органами расследования, а во-вторых, как следствие этого несоблюдение, нарушение прав граждан. Выражается это в том, что органы расследования нередко (по каждому третьему из числа изученных уголовных дел^{*} (допрашивает лицо, заподозренное в совершении преступления, в качестве свидетеля, предупреждая его об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо лож-

* Здесь и далее приводятся данные выборочного изучения 275 уголовных дел, расследованных в 1986 году и в том же году рассмотренных народными судами г.Риги

ных показаний, и в то же время требуя от допрашиваемого показаний об обстоятельствах преступления, якобы им совершенного, избличая его в совершении этого преступления. Иными словами, существующее понятие подозреваемого порождает на практике фигуру "избличаемого свидетеля", свидетеля по своему делу, чуждую советскому уголовному процессу, поскольку такая фигура с точки зрения защиты от выдвигаемого подозрения не может не быть совершенно бесправной.

Таким образом, каждый случай постановки заподозренного лица в положение "избличаемого свидетеля" нарушает его права и охраняемые законом интересы. И дело здесь вовсе не в "злой воле" следователя или лица, производящего дознание. Возникшее на основе имеющихся в деле фактических данных предположение о причастности лица к совершению преступления зачастую еще недостаточно для его задержания или применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения и нуждается в проверке. Но поскольку одним из средств этой проверки, а порой и единственным, является допрос заподозренного по имеющимся в деле данным, постольку орган расследования и прибегает к такому допросу. Такова логика расследования, подтверждаемая всей историей советского уголовного судопроизводства. Она настоятельно требует расширения понятия подозреваемого, т.е. такого законодательного решения, которое наделяло бы заподозренное лицо - в случае необходимости его допроса по обстоятельствам совершения преступления - определенной совокупностью прав для защиты от возникшего подозрения, ставило бы заподозренное лицо в процессуальное положение подозреваемого (I.C.30; 2.C.35-38).

Попутно заметим, что при подготовке нового уголовно-процессуального закона надо бы обратить внимание на чистоту терминологии вообще и при регламентации института подозреваемого в частности. В этом отношении ныне действующее законодательство небезупречно. Так ст.32 Основ уголовного судопроизводства называется "Задержание подозреваемого в совершении преступления" (аналогичным образом названы и соответствующие статьи УПК союзных республик). Ст.70 УПК ЛатвССР, как и соответствующие статьи УПК других союзных республик, озаглавлена "Применение меры пресечения в отношении подозреваемого". Если в первом случае еще можно понимать слово "подозреваемого" как оглагольное прилагательное и, следовательно, не отождествлять его с термином "подозреваемый", то во

втором случае этого сделать нельзя, поскольку в словосочетании "в отношении подозреваемого" слово "подозреваемого" выступает как отглагольное существительное и потому как термин, обозначающий понятие подозреваемого в уголовном процессе. Анализ же названной так статьи приводит к выводу, что в заголовке слово "подозреваемого" применено не в процессуальном, а в этимологическом смысле, что вряд ли может быть признано удачным. Ведь литературная грамотность закона отражается на его четкости, ясности и доступности, т.е. имеет утилитарное значение,

О ПРИЗНАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ. Полжение ст.121 УПК ЛатвССР (соответствующих статей УПК большинства союзных республик) о том, что подозреваемый признается лицо, к которому применено задержание или мера пресечения до предъявления обвинения, нуждается в определенной коррекции не только в связи с высказанным предложением о расширении понятия подозреваемого, но и по другим причинам. Одной из них является возможность неоднозначного истолкования выражения "применено задержание" с точки зрения момента, с которого оно считается подозреваемым: то ли с момента доставления задержанного в орган дознания или к следователю (если исходить из исчисления сроков задержания, установленных ст.434 УПК ЛатвССР), то ли с момента составления протокола задержания (если исходить из того, что подозреваемый как процессуальная фигура не может появиться до возбуждения уголовного дела, а протокол задержания в этом случае - первый процессуальный акт после возбуждения уголовного дела). Аналогичная ситуация складывается и при задержании по постановлению следователя: считать ли, что задержание применено уже в момент фактического задержания, коль скоро с этого момента исчисляется срок задержания (ст.434 УПК ЛатвССР), или же с момента составления протокола задержания. Представляется, что норма уголовно-процессуального закона, определяющая понятие подозреваемого, не должна содержать формулировок, дающих возможность для подобных или каких-либо иных разночтений.

Далее вызывает сомнение и правильность регламентации второго основания вовлечения в процесс подозреваемого - применения меры пресечения до предъявления обвинения. Применение этого основания в практике столь же часто, как и применение задержания. По изученным

уголовным делам подозреваемый вовлекался в процесс путем применения меры пресечения до предъявления обвинения в 44,7% уголовных дел. Из этого числа в 93% применялась подписка о невыезде, а в 7% - заключение под стражу. Другие меры пресечения не применялись вовсе.

Институт мер пресечения в советском уголовном процессе существует для того, чтобы воспрепятствовать обвиняемому в той или иной форме помешать правильному разрешению уголовного дела. Применяются меры пресечения к обвиняемому, т.е. к лицу в отношении которого в деле имеется совокупность фактических данных, позволяющая сделать достоверный вывод о совершении им преступления. В соответствии со ст. 70 УПК ЛатвССР в исключительных случаях мера пресечения может быть применена в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления. Для того, чтобы подозревать лицо в совершении преступления в материалах дела должна содержаться определенная совокупность фактических данных, которая хоть и недостаточна для достоверного вывода о причастности к совершенному преступлению, однако достаточна для обоснованного предположения в этом. Не вернее ли было бы на основе таких данных выносить постановление о признании подозреваемым, а затем решать вопрос о применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения.

Постановление о признании подозреваемым следовало бы закрепить в законе как единую форму вовлечения в процесс лица в качестве подозреваемого независимо от того, задерживается ли такое лицо по подозрению в совершении преступления, применяется ли к нему мера пресечения до предъявления обвинения, вызывается ли подозреваемое лицо для допроса об обстоятельствах преступления, в котором оно подозревается (5.С.117). Во всех названных случаях основанием вынесения такого постановления является совокупность фактических данных, позволяющая обоснованно предполагать, что именно это лицо совершило преступление. При задержании такие данные содержатся в протоколе задержания, а в остальных случаях в протоколах других следственных действий и иных источниках доказательств. Предполагаемое решение снимает, по моему мнению, рассмотренные выше разночтения при определении момента, с которого задержанное лицо становится подозреваемым, унифицирует процедуру признания подозреваемым, делая ее более четкой и понятной, усили-

вает гарантии прав и охраняемых законом интересов лиц, вовлекаемых в процесс в качестве подозреваемого, поскольку постановление о признании подозреваемым, как и любое постановление органа расследования, должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Изложенные выше суждения о расширении понятия подозреваемого и изменения процедуры вовлечения его в процесс можно было бы сформулировать в соответствующей норме закона следующим образом: "Подозреваемым является лицо, в отношении которого вынесено постановление о признании подозреваемым. Постановление о признании подозреваемым следователь или орган дознания выносят при наличии достаточных доказательств для обоснованного предположения о совершении преступления лицом, которое или задержано по подозрению в совершении преступления по основаниям и в порядке, предусмотренном ст. ... настоящего кодекса, или к которому требуется применить меру пресечения до предъявления обвинения, или которого необходимо допросить по обстоятельствам, явившимся основанием для подозрения его в совершении преступления".

ЗАДЕРЖАНИЕ ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Задержание - наиболее распространенное основание вовлечения лица в процесс в качестве подозреваемого. По изученным уголовным делам оно применялось в 55,3% уголовных дел с участием подозреваемого. При этом основаниями к задержанию служили: в 44% - лицо задержано при совершении преступления или непосредственно после его совершения; в 38% - очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо указали на данное лицо, как на совершившее преступление; в 6% - на подозреваемом, или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления; в 12% - наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления.

Задержание по своей сути не что иное как кратковременное лишение свободы человека, и потому применение его должно основываться на строгом, педантичном соблюдении требований закона в части оснований и мотивов задержания, бережном отношении к правам граждан. Однако практика свидетельствует о том, что именно при задержании нередко нарушаются требования уголовно-процессуального закона. Так, по сообщению А. Соловьева, С. Шейфера и М. Токаревой такие нарушения допущены по каждому пятому из числа изученных уго-

ловных дел (7.С.47). По нашим данным несоблюдение требований ст.120 УПК ЛатвССР об основаниях задержания отмечается по каждому седьмому из массива изученных уголовных дел. Нарушения главным образом относятся к задержанию по ч.2 ст.120 УПК ЛатвССР и заключаются в том, что игнорируется требование закона о задержании при наличии "иных данных" только при условии, если лицо покушалось на побег, или оно не имеет постоянного места жительства, или если не установлена его личность. Объясняется это не только пренебрежением к названному требованию закона, но и его несовершенством. Что, например, понимать под "иными данными": или только закреплённые процессуальным путем соответствующие фактические данные, или также данные, полученные оперативным путем и не нашедшие отражения в деле. Представляется верным, что основанием к задержанию в данном случае являются не любые, а только те закреплённые процессуальным путем фактические данные, которые образуют при наличии определенных условий (покушение на побег и т.д.) ситуацию, не охватываемую п.п. 1-3 ст.120 УПК ЛатвССР (п.п.1-3 ст.32 Основ уголовного судопроизводства) (4.С.48). Признавая справедливым это мнение, нельзя не усомниться в необходимости сохранения в законе ч.2 ст.120 УПК ЛатвССР. Если так называемые "иные данные" достаточны для задержания, т.е. для кратковременного лишения свободы, то они должны быть достаточны и для применения меры пресечения до предъявления обвинения. Если же они недостаточны для применения меры пресечения, то они не могут считаться достаточными и для применения задержания, ибо задержание более суровая мера процессуального принуждения, чем мера пресечения, не связанная с заключением под стражу. Применение задержания для установления личности, или по причине того, что лицо не имеет постоянного места жительства, или покушалось на побег при наличии данных, недостаточных для применения меры пресечения, открывает широкий простор для нарушения социалистической законности в уголовном судопроизводстве. В целях усиления гарантий прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в процесс в качестве подозреваемого, следовало бы сохранить в уголовно-процессуальном законе только три основания задержания: когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;

когда на заподозренном или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

СРОК НАХОЖДЕНИЯ ЛИЦА В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО. Общий максимальный срок нахождения лица в процессуальном положении подозреваемого в действующем уголовно-процессуальном законе не закреплен. УПК ЛатвССР, как и УПК большинства союзных республик, устанавливает срок задержания - 72 часа и срок предъявления обвинения с момента применения меры пресечения - 10 суток. Остается открытым вопрос о сроке нахождения лица в процессуальном положении подозреваемого в случаях когда к нему применено сначала задержание, а затем мера пресечения до предъявления обвинения. Одни процессуалисты исходят из сложения этих сроков и считают общим максимальным сроком 13 суток (8, С. 106), другие включают срок задержания в срок применения меры пресечения и ограничивают максимальный срок 10 сутками (9, С. 28). Такие же противоречия существуют и на практике. Например, в 23% изученных уголовных дел лицо находилось в положении подозреваемого в течение 11-13 суток. Не касаясь всех аргументов, приводимых в споре о продолжительности нахождения лица в процессуальном положении подозреваемого хотелось бы остановиться на одном из них, высказанном недавно И.Л. Петрухиным. Суть этого аргумента состоит в том, что при применении к лицу сначала задержания, а затем меры пресечения (заключения под стражу) до предъявления обвинения, общий срок нахождения такого лица в процессуальном положении подозреваемого составляет 13 суток, поскольку задержание - это не заключение под стражу (6, С. 58). По форме вроде бы верно. Действительно задержание не является мерой пресечения - заключением под стражу. По существу же с таким формально-логическим толкованием согласиться нельзя. Ведь при исчислении срока нахождения лица в процессуальном положении подозреваемого необходимо исходить из порядка исчисления сроков содержания под стражей, а то, что при задержании лицо находится под стражей, сомнений вроде бы вызывать не должно. В соответствии же с п. 5 ст. 314 УПК ЛатвССР (п. 5 ст. 316 УПК РСФСР) время содержания под стражей входит в срок предварительного заключения. Это означает, что при применении задержания, а затем меры пресечения - заключения под стражу срок содержания под стражей ис-

числяется с момента задержания. Следовательно, с этого момента исчисляется и срок, в течение которого подозреваемому должно быть предъявлено обвинение, т.е. срок нахождения в качестве подозреваемого. Разногласия по этому спорному вопросу в практике расследования уголовных дел не только ущемляют права подозреваемого, но и негативно отражаются на отношении следственных работников к соблюдению норм уголовно-процессуального закона. Во избежание этих последствий следовало бы четко закрепить в законе максимальный срок нахождения лица в процессуальном положении подозреваемого в такой, например, форме: "Срок нахождения лица в процессуальном положении подозреваемого не может превышать десяти суток. Этот срок исчисляется при задержании - с момента доставления задержанного в орган дознания или к следователю, а в остальных, указанных в ст. ... настоящего кодекса случаях - с момента вынесения постановления о признании подозреваемым".

ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО. Подозреваемый как субъект уголовно-процессуальных отношений по действующему УПК ЛатвССР, как и по УПК большинства союзных республик, вправе обжаловать действия лица, производящего дознание, следователя или прокурора, давать объяснения, заявлять ходатайства, представлять доказательства, заявлять отводы следователю, лицу, производящему дознание, специалисту, переводчику. Представляется, что этот объем прав подозреваемого нуждается в расширении. Потому, во-первых, что расширение процессуальных прав подозреваемого более надежно обеспечит охрану его гражданских прав и свобод, а во-вторых, потому, что повышение активности подозреваемого в уголовно-процессуальной деятельности не может не способствовать установлению истины по делу, предотвращению необоснованного привлечения его к уголовной ответственности и незаконному содержанию под стражей.

По УПК большинства союзных республик, в том числе и по УПК ЛатвССР подозреваемый не наделяется какими-либо правами при производстве экспертизы. Между тем экспертиза до предъявления обвинения, будучи одним из средств раскрытия преступления, широко применяется в практике предварительного расследования. В этих условиях неосведомленность подозреваемого относительно исследуемых экспертом обстоятельств может в определенной мере препятствовать

установлению истины по делу. Подозреваемому, по моему мнению, должно быть предоставлено право знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, заявлять отвод экспертам, ходатайствовать о назначении эксперта из числа указанных им лиц и о постановке дополнительных вопросов эксперту и с разрешения следователя давать объяснения эксперту.

В условиях построения правового государства обоснованным является высказанное в юридической печати предложение о наделении подозреваемого правом пользоваться услугами защитника с момента первого допроса (З.С.142; 6.С.59). Разделяя в основе предложение о праве подозреваемого на помощь защитника, хотел бы в свете сказанного выше о расширении понятия подозреваемого заметить, что нынешнее состояние организации предварительного расследования, организации и деятельности адвокатуры не позволяет реализовать такое предложение. Вместе с тем, исходя из существующей и, надо полагать, нужной и в будущем практики вовлечения в процесс лица в качестве подозреваемого путем задержания или заключения под стражу в порядке меры пресечения до предъявления обвинения, реальным представляется наделить подозреваемого правом иметь защитника с момента применения этих мер процессуального принуждения. Объем прав несовершеннолетнего подозреваемого кроме того может быть расширен и путем предоставления возможности законному представителю такого подозреваемого вступить в процесс с момента вынесения постановления о признании подозреваемым.

Расширение прав подозреваемого не может не способствовать объективности расследования, дальнейшему укреплению гарантий прав личности в советском уголовном процессе.

Вся совокупность процессуальных прав подозреваемого в реформированном уголовно-процессуальном законе должна быть изложена в одной статье. В этой же статье следовало бы изложить и обязанности подозреваемого, т.е. в основном закрепить его правовой статус. Признавая подозреваемого участником процесса, логичным было бы поместить нормы, определяющие его процессуальное положение, в разделе об участниках процесса, а не в разделе, регламентирующем производство предварительного расследования, как это сделано сейчас.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дорохов В.Я. Процессуальное положение подозреваемого// Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства. М., 1962.
2. Карнеева Л. Подозреваемый в советском уголовном процессе// Соц. законность. 1959. № 4.
3. Корнуков М.В. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987.
4. Короткий Н.Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования. М., 1981.
5. Лисагор И.Л. Расширить условия признания лица подозреваемым// Учен. зап. ВНИИСЗ. М., 1970. Вып. 22.
6. Петрухин И.Л. Задержание// Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. М., 1987.
7. Соловьев А., Шейфер С., Токарева М. Следственные ошибки и их причины// Соц. законность. 1987. № 12.
8. Стремовский В.А. Участники предварительного следствия. Ростов-на-Дону, 1966.
9. Строгович М. Рецензия// Сов. юстиция. 1968. № 24. Рец. на кн.: Галкин И.С., Кочетков В.Г. Процессуальное положение подозреваемого. М., 1968.

Ф.-Р. ШУРИХ
(ГДР, г. Берлин)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

В соответствии с существующими в ГДР представлениями о системе криминалистики в ней различают пять основных частей: общую теорию и методологию, естественно-научную криминалистику, уголовную тактику, специальную криминалистику и криминалистическую психологию.* Первые четыре раздела криминалистики построены по прин-

* В системе советской криминалистики принято различать четыре раз-

ципу иерархии, а выводы и рекомендации ее заключительного раздела - криминалистической психологии как "отраслевой дисциплины профилирующего характера" (IЗ.С.134) распространяются на всю область криминалистического знания.

Нет ничего необычного в том, что в целях совершенствования криминалистической деятельности время от времени подвергается критическому переосмысливанию некоторые основополагающие концепции относительно структуры криминалистического знания. Это с необходимостью вытекает из природы криминалистики как прикладного научного знания, существующего для удовлетворения потребностей практики.

На пути к пересмотру целостной структуры криминалистика должен получить дальнейшее развитие ее раздел "уголовная тактика". В криминалистической литературе ГДР давно уже отказались от традиционной пары понятий "техника" и "тактика", которые лежали в основе структуры криминалистической науки. Даже терминологически эти понятия претерпели изменения и структурные подразделения криминалистики теперь именуется "естественно-научная криминалистика" и "уголовная тактика". Но и современные названия указанных структурных подразделений, как и сама структура криминалистики, представляются не бесспорными. К такому выводу более десяти лет тому назад пришел Я.Пещак (5; I.С.358). Вопреки распространенному мнению о необходимости разграничивать в системе криминалистики технику и тактику, он считает, что в системе криминалистики должен существовать раздел, посвященный криминалистическим методам исследования, раскрытия и предупреждения преступлений, синтезирующий в себе технику и тактику (9.С.1224). Б.Холст также придерживается мнения о том, что "традиционное деление криминалистики на технику и тактику не дает целостного представления о предназна-

дела или части: общую теорию криминалистики, криминалистическую технику, криминалистическую тактику и криминалистическую методiku. Имеются также различия в терминологическом обозначении разделов: "естественно-научная криминалистика" именуется "криминалистической техникой", "уголовная тактика" - "криминалистической тактикой", а "специальная криминалистика" - "криминалистической методикой" (примечание редколлегии).

нии криминалистики", а поэтому на первый план в криминалистике должно быть положено указание на методы расследования и предупреждения преступлений (7.С.24). Э.Росенов основным препятствием на пути к созданию целостной системы криминалистики в ФРГ считает то обстоятельство, что до сих пор некритически воспроизводится положение о наличии в ней признанных уже традиционных отраслей - уголовной техники и уголовной тактики. Понятия "техника" и "тактика", по его мнению, мало пригодны для формирования системы науки: они не допускают более детальной систематизации криминалистического знания. Неоспоримым является факт, что технические и тактические приемы в криминалистической деятельности неразрывно связаны друг с другом (10.С.246). С позиций социалистической криминалистики указанный тезис сформулировал В.Я.Колдин. Он пришел к выводу о том, что сложившаяся система социалистической криминалистики не может быть признана оптимальной (8.С.19). В первой совместной работе ученых-криминалистов социалистических стран успешно преодолено традиционное разграничение в системе криминалистики уголовной техники и уголовной тактики (4).

Возникает вопрос: соответствует ли понятие "тактика" той предметной области, с которой имеет дело криминалистика? Как известно, слово "тактика" перешло в криминалистику из военного лексикона, оно появилось в немецком языке в XVIII веке. Первоначально слово "тактика" означало как искусство руководства войсками в бою, так и учение об управлении боем (14.С.228). Понятие "тактика" предполагает существование двух борющихся сторон. Сложившееся представление о тактике как о линии поведения или совокупности методов достижения поставленной цели со временем в разговорной речи и в криминалистической литературе частично утратило свой первоначальный смысл (15.С.10).

Следует признать, что понятие "тактика" в криминалистике должно относиться лишь к таким ситуациям, в которых реально действуют две противоположные стороны, например, следователь и обвиняемый, отрицающий свою причастность к совершенному преступлению. Криминалистическая тактика - в узком смысле слова - предполагает не только наличие конфликта между взаимодействующими сторонами; но и также оптимальную линию поведения, разрабатываемую криминалистикой на основе положений теории игр. Если же противоборство

сторон отсутствует, например, когда следователь допрашивает дающего правдивые показания обвиняемого, то в подобных случаях линия поведения следователя не вписывается в ситуацию, разработанную криминалистикой на основе положений теории игр. В этих случаях, конечно, также применяются определенные приемы или методы, обеспечивающие оптимальную деятельность следователя. Однако эти приемы или методы не являются тактическими, поскольку они предназначены для применения в условиях безконфликтной ситуации.

Раздел криминалистики, разрабатывающий как тактические приемы, так и приемы, не являющиеся тактическими, на наш взгляд, следовало бы назвать "криминалистической методикой". Под криминалистической методикой мы понимаем раздел криминалистики, который имеет дело с подготовкой, проведением и оценкой криминалистической деятельности.

Термином "криминалистическая методика" в советской криминалистике обозначают ее раздел, который имеет дело с методикой расследования отдельных категорий преступлений. Этот же раздел в ГПК именуется "специальной криминалистикой". Подлежит обсуждению наименование двух разделов криминалистики: "уголовная (криминалистическая) тактика" и "криминалистическая методика" или "специальная криминалистика". Не вполне логично, что один из разделов криминалистики, изучающий следственные действия, именуется "тактикой", а другой раздел, изучающий те же следственные действия в их взаимосвязи - криминалистической методикой. Следовало бы унифицировать терминологию и придать обоим разделам криминалистики аналогичные термины, например, общая и специальная криминалистическая методика. Автор считает наиболее правильным именовать эти разделы общей и специальной криминалистической методикой.

Вопрос о предмете общей криминалистической методики и ее определении заслуживает специального рассмотрения (12.С.28-32). В данном случае следует обратиться к вопросу о структуре общей криминалистической методики. Решение этого вопроса, на наш взгляд, разрушает сложившиеся представления об "уголовной тактике" и не может не повлиять на взгляды о системе криминалистики в целом.

Общая криминалистическая методика складывается из отдельных методик, применяемых при проведении следственных действий и тактических (криминалистических) операций. Общая методика связана на

только с непосредственным проведением следственных действий, но и также с их подготовкой и оценкой достигнутых результатов. Криминалистические рекомендации относительно отдельных приемов и методов, применяемых при производстве следственных действий (осмотра места происшествия, обыска и т.д.) должны разрабатываться в рамках отдельных криминалистических учений. Недооценка возникающих и развивающихся отдельных криминалистических учений не согласуется с теми задачами, которые стоят перед общей криминалистической методикой. Знания, входящие в криминалистические учения, составляют также предмет преподавания, ибо криминалистическая методика - это не "собрание готовых рецептов", а отрасль научного знания. В связи с этим подлежат обсуждению два аспекта совершенствования общей криминалистической методики.

Во-первых, речь идет о необходимости создания в рамках общей криминалистической методики отдельных криминалистических учений. Хотя значимость криминалистических исследований для практики во многом определяется их ориентацией на психологизацию криминалистических приемов и методов, это обстоятельство не исключает дальнейшей разработки теоретических основ общей криминалистической методики, т.к. криминалистическая психология выступает в качестве самостоятельного раздела криминалистики. Общая криминалистическая методика пока не обладает, пожалуй, собственными теоретическими основами и поэтому свои основоположения она заимствует из других разделов криминалистики. В качестве самостоятельных криминалистических учений, разрабатываемых в рамках общей криминалистической методики, могут быть названы: криминалистическое учение о доказывании, учение о криминалистическом познании, учение о способах совершения преступлений, теория криминалистической ситуации, учение об организации и планировании криминалистической деятельности (включая предупреждение преступлений) и др. Приведенный перечень, несомненно, не претендует на полноту и служит лишь приглашением к последующим дискуссиям.

Во-вторых, криминалистическая методика в пределах своего предмета должна разрабатывать не только теоретические положения, но также и практические рекомендации и учебные программы, предназначенные для обучения криминалистике. Разработка законченных комплексов учебно-тренировочных программ, а также программ практичес-

кой криминалистической деятельности потребует значительного времени. Такие программы первоначально следует разрабатывать применительно к отдельным областям криминалистической деятельности. Пока что в этой части сделано не много: имеются, в частности, упражнения по отбору из имеющейся информации лишь существенной для дела, упражнения по выдвиганию версий, по собиранию доказательств и др.

Изложенное приводит нас к выводу, что в общей криминалистической методике следует различать три основные и взаимосвязанные области: теоретические основы криминалистической методике, разработанные ею криминалистические приемы, методы и операции, а также учебно-тренировочные программы. Дальнейшие научные исследования, как представляется, будут прежде всего связаны не с постановкой новых теоретических проблем, а в качественно новом подходе к анализу следственной практики как самого существенного источника знаний, составляющих общую криминалистическую методiku.

Криминалистическая практика оказывает свое влияние не только на общую криминалистическую методiku, но и на специальную методiku (специальную криминалистику). Изучение криминалистической практики служит не только разработке новых криминалистических приемов и методов расследования, но и позволяет также выявить их эффективность и тенденции их развития. Без солидной информированности об эффективности практической криминалистической деятельности невозможно дальнейшее развитие всех отраслей криминалистической методике. Наряду с эмпирическим анализом криминалистической деятельности в будущих научных исследованиях найдут отражение и другие методы (эксперимент, опрос, наблюдение, тестирование, тренировочные программы и др.).

Каково же место общей криминалистической методике в системе криминалистики?

Общая теория и методология криминалистики составляет один из существеннейших источников формирования криминалистической методике. Подлежит обсуждению вопрос: относится ли та или иная теория, например, теория криминалистических версий, к общей теории криминалистики или к общей криминалистической методике, поскольку она отражает одну из предметных отраслей криминалистической методике. Необходимо исследовать возникновение и развитие каждой частной

криминалистической теории и тем самым определить ее предметную область, чтобы частные методики не уступали свои предметные области общей теории криминалистики.

Отрасли естественно-научной криминалистики не являются, вопреки сложившемуся мнению, определяющими по отношению к отраслям криминалистической методики. Это согласуется с существующей концепцией, подтверждаемой практикой, что расследование, раскрытие, предупреждение преступлений составляет основу криминалистической методики, а естественно-научная криминалистика лишь способствует достижению указанной цели (8; 7.С.24). Соотношение обоих разделов криминалистики Э. Розенов характеризует следующим образом: "как правило, тактика определяет технику, но в то же время применение новейших технических средств вызывает к жизни соответствующие тактические соображения и приемы" (10). Разрабатываемые в естественно-научной криминалистике методы, основанные на познанных закономерностях, являются одним из источников методики расследования преступлений. И в то же время естественно-научная криминалистика не теряет своего значения как одного из разделов в системе криминалистики. Как раздел криминалистики она выступает предпосылкой формирования как криминалистической методики расследования, так и отрасли знания, именуемой "экспертологией" (2). Поэтому естественно-научная криминалистика лишь формально занимает в системе криминалистики место одного из ее разделов наравне с криминалистической методикой.

Столь же очевидна связь общей криминалистической методики и специальной криминалистики. Допустимо, на наш взгляд, специальную криминалистику терминологически обозначать как "специальная методика". Связь между общей и специальной методиками состоит не только в том, что последняя применяет ее обобщенные положения к расследованию отдельных видов преступлений. Связь между ними носит также противоположный характер: положения специальной методики способствуют совершенствованию общей криминалистической методики. Именно второй тип связи между общей и специальной методиками заключает в себе скрытые резервы. Специальная методика или специальная криминалистика оказывает существенное влияние на общую методику: она создает предпосылку для развития частных теорий, например, учения о способе совершения преступлений. Кроме

того в специальной методике в первую очередь находят отражение изменения в общественной жизни и изменившиеся в связи с этим практические потребности, т.к. разрабатываемые методикой рекомендации и учебные программы проверяются следственной практикой.

Существенными для криминалистической методики являются ее связи с криминалистической психологией. На примере допроса Л.М. Карнеева, С.С.Ордынский и С.Я.Розенблит показали значение положения психологической науки для разработки научных основ тактики допроса (3). Психология допроса была и "остается до некоторой степени ядром криминалистической психологии" (II.С.70). Тезис, в соответствии с которым научное обоснование тактики допроса лежит в психологии этого следственного действия, должен быть распространен и на другие сферы методики и в том числе на розыскные действия, поскольку поступки, мысли и чувства людей составляют, с одной стороны, предметную область методики, а с другой - способствуют выяснению того как мысли и чувства реализуются в преступной деятельности и ее последствиях.

Знания, вырабатываемые криминалистической психологией, находят свое применение при производстве различных следственных действий. Психология допрашиваемого (опрашиваемого) и допрашивающего (опрашивающего) составляют основу не только такого следственного действия как допрос, но и целого ряда других следственных действий и оперативных мероприятий: при опросе очевидцев на месте происшествия, при обыске, предъявлении для опознания, при розыске свидетелей и т.д. Именно во время проведения подобных действий опрашиваются или допрашиваются те или иные лица. Психология обыска выдвигает ряд вопросов, связанных с противодействием обнаружению искомых объектов. Как отмечает А.Р.Ратинов психологическое рассмотрение обыска показывает его "игровой" характер и здесь следует различать психологию обыскивающего (ищущего) и психологию обыскиваемого (прячущего) (6.С.227). Замыслы и действия обыскиваемого характеризуются, в свою очередь, психологией укрытия вещи и психологией поведения во время производства обыска.

В заключение отметим, что совершенствование связей криминалистической методики с другими разделами криминалистики, дальнейшая разработка ее теоретических основ и сближение ее с практикой, требуют принципиально нового подхода к научным исследованиям в об-

ласти методики и так называемой "тактики". Однако вряд ли это возможно в рамках ныне существующих традиционных концепций о структуре криминалистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белкин Р.С. Курс современной криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. Т.3.
2. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз) Волгоград, 1979.
3. Карнеева Л.М., Ордынский С.С., Розенблит С.Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958.
4. Криминалистика социалистических стран/ Под ред. В.Я. Колдина. М., 1986.
5. Пещак Я. Общетеоретические проблемы криминалистики. М., 1977.
6. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
7. Holvst B. Das System der Kriminalistik (Modellentwurf) Kriminalistik und forensische Wissenschaften. 1982. N 48.
8. Koldin V. Ja. Aktuelle theoretische Fragen der sowjetischen Kriminalistik // Kriminalistik und forensische Wissenschaften. 1983. N 51-52.
9. Pješčak J. Zum Gegenstand der sozialistischen Kriminalistik Schriftenreihe der Deutschen Volkapolizei. - 1950. - N 11.
10. Rosenow E. Vorschlag für ein Gesamtsystem "Kriminalistik". Kriminalistik. 1984. N 5.
11. Römer A. Die Vernehmung. Sozialistische Kriminalistik. Berlin, 1984. B 1.3 2.
12. Schurich P.-R. Zur Entwicklung einer kriminalistischen Methodik Kriminalistik und forensische Wissenschaften. 1985. N 57-58.
13. Stelzer B. Allgemeine kriminalistische Theorie und Methodologie Sozialistische Kriminalistik. Berlin, 1977. Bd.1.
14. Wasserzieher S. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Leipzig, 1979.
15. Wiczorek B. Kriminalistik. Grundland der Verbrechens-

bekämpfung // Kriminalistik und Kriminologie. Stuttgart, München und Hannover, 1984. Bd.1.

Р.Г.ДОМБРОВСКИЙ
(Рига)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ (методологические аспекты)

Разрабатываемая советскими криминалистами криминалистическая характеристика преступлений вызвала к жизни ряд новых, ранее не обсуждаемых проблем. Одна из них, отмечает Г.А.Густов, - это назревшая необходимость создания криминалистической теории преступления (5.С.77; 6.). Отмечается, что исследование преступлений в криминалистическом аспекте - "новое важное научное направление" (16.С.4). Существует и противоположное мнение: разработка криминалистической характеристики преступлений граничит с "модным увлечением", а по существу "принципиальной новизны здесь нет, это не новое направление в науке" (3.С.56). Высказанные опасения о преувеличении новизны, а также значимости для теории и практики криминалистической характеристики преступлений, как представляется, не имеют под собой достаточных оснований.

Обогащаемая новыми идеями, криминалистическая характеристика преступлений стала перерастать первоначально установленные ей границы. В частности, стали предметом обсуждения вопросы о криминалистическом понятии преступления, криминалистической классификации преступлений и другие, которые не укладываются в рамки криминалистической характеристики преступлений. Логическим завершением научных изысканий в этом направлении явился вывод о необходимости разработки криминалистического учения о преступлении. В.Я. Колдин справедливо отмечает, что в иерархии знаний о преступной деятельности, вырабатываемых уголовно-правовыми науками, следует также различать криминалистический уровень - криминалистическое знание о преступлении (11.С.64).

Высказывается также мнение, что с развитием криминалистического учения о преступлении криминалистическая характеристика

преступлений не потеряет своего значения: она лишь приобретет качество необходимого элемента систематизированного криминалистического знания о преступлении, "компонента криминалистического учения о преступлении" (15.С.13).

Одним из центральных вопросов, подлежащих обсуждению, является вопрос о месте криминалистического учения о преступлении в системе криминалистического знания. Формирующееся криминалистическое учение о преступлении претендует на место в общей теории криминалистики. Применительно к криминалистической характеристике преступлений Н.А. Селиванов отмечает, что без нее общетеоретическая часть криминалистики была бы неполной (17.С.17). По мнению И.Ф. Крылова "общая криминалистическая характеристика преступлений должна найти себе место в общей теории криминалистики" (12.С.33), а не в разделе криминалистической методике, как это принято в настоящее время. Вполне логично заключить, что формирующееся криминалистическое учение о преступлении должно занять свое место в общей теории криминалистики.

Относительно структуры и содержания общей теории криминалистики высказываются различные точки зрения. Некоторые ученые считают, что "общая теория криминалистики, в ее современном виде, представляет собой по преимуществу учение о методах раскрытия преступления и доказывания" (18.С.28). Иными словами, многие криминалисты содержанием общей теории криминалистики считают расследование преступлений, а точнее - его криминалистический аспект, т.е. методы раскрытия преступлений. Приведенные взгляды представляются односторонними, т.к. они включают в общую теорию криминалистики знания лишь об одной из двух сторон предмета криминалистики. По этому вопросу высказан и другой, более последовательный взгляд. В частности, В.В. Ключков в общую теорию криминалистики включает криминалистическую теорию преступления, а также криминалистическую теорию расследования преступлений (9.С.22). В настоящее время многие ученые в число закономерностей объективной реальности, изучаемых криминалистикой, включают механизм преступления. "Преступление как элемент, часть предмета криминалистической науки, - отмечает Р.С. Белкин, - считается той областью объективной действительности познание которой является фундаментом для всей системы криминалистики" (1.С.59). В связи с этим в структуре

общей теории криминалистики Р.С.Белкин наряду с другими учениями различает "криминалистическое учение о закономерностях возникновения информации о преступлении" (I.C.I7). Признавая правильной мысль о включении в предмет криминалистики преступлений следует тем самым признать наличие в общей теории криминалистики учения о преступлении. Терминологически данное учение целесообразно именовать криминалистическим учением о преступлении, а не учением о закономерностях возникновения информации о преступлении. Обоснование подобного терминологического обозначения мы видим в том, что преступление является общим для всех уголовно-правовых наук объектом познания. Каждая из уголовно-правовых наук изучает преступление в своем аспекте и вырабатывает свое учение о преступлении. Поэтому наряду с уголовно-правовым и криминологическим учениями о преступлении начинает формироваться криминалистическое учение о преступлении.

Криминалистическое учение о преступлении занимает существенное место в общей теории криминалистики. Однако криминалистика изучает не только преступления, но и деятельность по их расследованию, т.к. предмет криминалистики имеет две стороны. Одну из его сторон составляют преступления. Преступление, в частности, способы его подготовки, совершения и сокрытия оказались в поле зрения криминалистики лишь потому, что они отражаются в окружающей среде в виде материальных и идеальных следов. Криминалистика изучает преступления с точки зрения механизма образования следов. Следы преступления выступают не только как последствия совершенного преступления, но и как предпосылка последующего его раскрытия. Вторую сторону предмета криминалистики составляет расследование преступлений. Подобно тому как в преступлении криминалистика изучает определенный аспект - механизм следообразования, так и в расследовании преступлений она изучает определенный аспект - процесс раскрытия преступлений по оставленным им следам. Систематизированное знание о методах раскрытия преступлений составляет учение о раскрытии преступлений. Таким образом, как представляется, в общей теории криминалистики следует прежде всего различать два основополагающих учения: криминалистическое учение о преступлении и криминалистическое учение о раскрытии преступлений. На это же обстоятельство обращает внимание Г.А.Густов, отмечая,

что "криминалистика - это наука о закономерностях возникновения и функционирования реальных систем преступления и систем его раскрытия и расследования" (5.С.80). В.Л.Колдин также отмечает, что криминалистика исследует, с одной стороны, поведение преступника, а с другой - деятельность криминалиста как субъекта расследования преступления (10.С.144).

Наличие у предмета криминалистики двух сторон позволяет максимально точно детализировать ее предмет. Каждое преступление может быть раскрыто благодаря оставленным им следам. Криминалистическая практическая деятельность субъекта расследования - это всегда деятельность со следами преступления. Криминалистика всегда изучала деятельность следователя как профессионального субъекта расследования. Однако, как правильно подметил В.В.Ключков, "закономерности поведения непрофессиональных участников расследования вообще не упоминаются при характеристике структуры предмета криминалистики" (9.С.20). А ведь успех расследования преступления во многом зависит от линии поведения многих лиц, их взаимоотношений со следователем. Лицо, производящее расследование по уголовному делу, вступает с вовлекаемыми в расследование лицами отношениями по поводу оставленных преступлением следов. Эти отношения по поводу оставленных преступлением следов, которые мы именуем криминалистическими отношениями, по своему существу являются познавательными отношениями, т.к. они ведут к установлению обстоятельств расследуемого преступления. Поэтому не случайно криминалистику нередко именуют наукой о раскрытии преступления, хотя учение о раскрытии преступления лишь одно из двух его основополагающих учений.

Мы не усматриваем, вопреки мнению Р.С.Белкина, противоречия в том, что учение о раскрытии преступления является в то же время учением о криминалистической деятельности (2.С.293). Расследование преступлений складывается из различного рода деятельностей. Помимо уголовно-процессуальной в расследование преступлений входят также оперативно-розыскная, криминалистическая, нравственная, организационно-управленческая и другие виды деятельности. Криминалистический аспект в расследовании преступлений составляют криминалистическая деятельность и складывающиеся при этом криминалистические отношения. Поскольку криминалистическая дея-

тельность направлена на раскрытие преступлений ~~востольку~~ учение о криминалистической деятельности является учением о раскрытии преступления. Поэтому отношение к предмету криминалистики познавательных отношений, связанных с раскрытием преступлений, вполне согласуется с широко распространенным мнением о криминалистике как науке о раскрытии преступлений.

Присущая расследованию преступлений оперативно-розыскная деятельность обладает такой же как и криминалистическая деятельность направленностью на раскрытие преступлений. Различие между ними прежде всего заключается в тех источниках информации на которые они направлены. Криминалистическая деятельность имеет дело лишь с теми источниками фактических данных, которые считаются допустимыми уголовно-процессуальным законом.

При помощи оперативно-розыскной деятельности, в частности, возможно установить те источники фактических данных на которые в дальнейшем будет направлена криминалистическая деятельность. Однако только оперативным путем раскрыть преступление невозможно: сведения, полученные из не предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников, не могут служить средством обоснования сделанных по уголовному делу выводов. Изложенное, однако, не может поколебать устоявшееся мнение о познавательном характере оперативно-розыскной деятельности.

Вопрос о необходимости формирования в криминалистике наряду с учением о преступлении также учения о раскрытии преступления решается неоднозначно. Многие ученые пишут о необходимости создания теории раскрытия преступлений (4; 7; 14; 18.С.28). Имеются также противники разработки криминалистического учения о раскрытии преступлений. В частности, Р.С.Белкин оспаривает правомерность постановки вопроса об этом, "ибо закономерности деятельности по раскрытию преступлений - это по существу те закономерности, которые составляют предмет криминалистической науки, и такая теория была бы фактически равнозначна самой криминалистике, взятой в целом" (2.С.235). Приведенное высказывание Р.С.Белкина недостаточно убедительно и более того оно не согласуется с другими, им же высказанными положениями, правильность которых не может быть оспорена. Он, в частности, признает, что общая теория криминалистики - "это научное отражения всего предмета

криминалистики" (I.C.9). Именно криминалистическое учение о преступлении и криминалистическое учение о раскрытии преступлений, лежащие в основе общей теории криминалистики, отражают весь предмет криминалистики в целом. Другие разделы криминалистики лишь развивают и детализируют предмет криминалистики, сформулированный общей теорией. Например, криминалистическая техника как раздел криминалистики имеет дело с теми же сторонами предмета криминалистики на уровне материальных следов преступления: она изучает механизм образования материальных следов преступления и методы работы с ними. Взаимодействие следователя с другими лицами, вовлеченными в процесс расследования, по поводу материальных и идеальных следов преступления образует содержание криминалистической тактики. В криминалистической методике изучается специфика следов, присущих той или иной категории преступлений, а также складывающиеся по поводу этих следов криминалистические отношения.

Криминалистические знания о преступлении, таким образом, составляют неотъемлемую часть общей теории криминалистики, а в конкретизированном виде они входят в криминалистическую технику, криминалистическую тактику и криминалистическую методiku.

Исходный момент в формировании криминалистического учения о преступлении должна составить разработка содержания криминалистического понятия преступления. Именно в этом исходном пункте криминалистического учения о преступлении встретились противоположные мнения. В частности, П.П.Кабанов утверждает, что "сама постановка вопроса о возможности выработки криминалистикой "своего" понятия преступления, отличного от уголовно-правового, в научном плане некорректна" (В.С.138). Он указывает, что преступление - это фундаментальное понятие уголовного права, знание о нем в криминалистике не выводится и поэтому для нее является заданным. Действительно, каждая наука использует понятия других наук в уже готовом виде независимо от того насколько успешно и правильно они разработаны в соответствующей материнской науке. Однако в данном случае это правило не действует поскольку преступление - общий объект всех уголовно-правовых наук и в том числе науки уголовного права и криминалистики. Это означает, что каждая уголовно-правовая наука изучает преступление в своем аспекте и вырабатывает свое определение преступления. Конечно, недопустимо утверждать, что напри-

ду с уголовно-правовым или криминологическим существует также криминалистическое понятие преступления. Существует не несколько понятий преступления, а различные определения - уголовно-правовое, криминологическое, криминалистическое и другие одного и того же понятия. Как известно, ни одно определение понятия не способно полностью раскрыть его содержание, поскольку каждое определение отражает лишь одну из сторон или один из аспектов определяемого предмета. Изложенное означает, что когда идет речь о криминалистическом понятии преступления, то имеется в виду криминалистическое содержание понятия "преступление", вскрываемое определением преступления, разработанного криминалистикой.

Одним из первых в советской литературе сформулировал криминалистическое определение преступления Г.А.Густов. По его мнению "преступление - это обусловленная обстановка и в ней отображающаяся, реальная, целеустремленная, обладающая структурной устойчивостью и внутренней информативностью система, появление которой законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания" (5.С.78). Во многом аналогичные определения преступления предложили другие ученые. В частности, В.И.Куликов считает, что "в криминалистическом плане преступление - это функционирующая и отражающая в определенной обстановке реальная, структурно-устойчивая и обладающая определенным уровнем информативности система, содержанием которой являются элементы противоправной деятельности субъекта преступления, во многом обуславливающая методику их расследования" (13.С.10). В.А.Образцов, А.А.Протасевич и В.И.Шиканов в своей совместной статье пишут: "в криминалистическом понимании преступление - это детерминированный взаимодействием психофизических и социально приобретенных свойств и признаков субъекта преступления, условий криминальной обстановки (ситуации) и ситуаций докриминального этапа его жизнедеятельности, целенаправленный, социально вредный, запрещенный законом и наказуемый в уголовном порядке вид деятельности" (16.С.11-12).

Недостатком предложенных криминалистических определений преступления является то, что в них наряду с криминалистическими приведены также уголовно-правовые и криминологические признаки преступления. Конечно, криминалистическое определение преступления не может не учитывать ту часть содержания понятия "преступление",

которая выработана наукой уголовного права. Для криминалистического определения преступления является заданным такой признак преступления как его запрещенность уголовным законом, поскольку криминалистика свое назначение видит в разработке методики расследования преступлений, а не иных противоправных деяний. Однако, как представляется, криминалистическое определение преступления не должно воспроизводить другие уголовно-правовые признаки преступления: общественную опасность, виновность и наказуемость. Вряд ли имеется потребность включать в криминалистическое определение преступления его криминологические признаки.

С точки зрения криминалистики существенным свойством преступления является его способность отражаться в окружающей среде и подвергаться ответному воздействию среды. Это общепризнанное положение об отражаемости в окружающей среде находит среди ученых различное толкование. Одни ученые последствия отраженного в окружающей среде преступления именуют доказательствами, другие - информацией. Поэтому одни криминалисты считают, что криминалистика в преступлении изучает закономерности возникновения доказательств, а другие - закономерности возникновения информации о преступлении. И та и другая точки зрения представляются не бесспорными по следующим соображениям,

Традиционно в криминалистике высказывался взгляд в соответствии с которым последствия преступления выражаются в оставляемых им материальных и идеальных следах. Следы, оставляемые преступлением, еще не являются доказательствами по делу, они выступают лишь как предпосылка будущих доказательств. В той же мере следы преступления не являются в момент их возникновения информацией. Предпринимаемые отдельными учеными попытки приспособить для нужд криминалистики кибернетическое понятие "информация" пока что к успеху не привело. В криминалистических работах термин "информация" фактически используется в его обиходном, докибернетическом смысле как сведения или сообщение о чем-либо. Данное обстоятельство, особенно на примере материальных следов преступления, указывает на некорректность употребления некоторыми учеными термина "информация", т.к. материальные следы преступления никаких сведений о совершенном преступлении в себе не содержат. Материальные следы преступления не содержат в себе ни грана идеального каковыми являются

сведения о чем-либо. Изложенное ставит под сомнение правомерность отождествления материальных следов преступления с информацией. Однако связь материальных следов преступления с информацией о преступлении несомненна. Одним из свойств материальных следов преступления является их информативность. По материальным следам преступления следователь вырабатывает знания или информацию об обстоятельствах их образования, т.е. вырабатывает знания об обстоятельствах совершенного преступления. Представляется необходимым вернуться к традиционному взгляду о том, что криминалистика изучает в преступлении способы его подготовки, совершения и сокрытия с точки зрения механизма образования следов.

Итак, существенным свойством следов преступления с точки зрения криминалистики является их информативность об индивидуальности следообразующих объектов. Свойство информативности, которым обладают следы преступления, - это информация в потенции, реализующая себя в актах взаимодействия следователя с источником информации. Иными словами, преступление оставляет после себя не информацию, а источники информации.

Указанное свойство информативности следов указывает на другой существенный с точки зрения криминалистики признак преступления - его познаваемость по оставленным им следам.

Приведенные криминалистические признаки преступления: его отражаемость в окружающей среде в виде материальных и идеальных следов, а также возможность познания обстоятельств его совершения по оставленным им следам, как представляется, являются достаточными для того, чтобы сформулировать его определение. Преступление - это запрещенное уголовным законом деяние, отражаемое в окружающей среде и познаваемое по оставленным им следам, обладающим информативностью об обстоятельствах его совершения.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что криминалистическое учение о преступлении изучает закономерности образования оставляемых им следов, обладающих информативностью об обстоятельствах его совершения.

Криминалистическое учение о преступлении как составная часть общей теории криминалистики или ее структурный элемент, в свою очередь, обладает присущей ему структурой. Вопрос о структуре криминалистического учения о преступлении только что поставлен

повестку дня и требует глубокого и всестороннего обсуждения. По мнению Г.А.Густова его элементами являются: а) криминалистическое понятие преступления; б) структура преступления как реально-го явления; в) связь преступления со средой и другими системами; г) криминалистические закономерности системы преступления; д) отображение преступления и его криминалистические признаки; е) криминалистические классификации преступления; ж) методы криминалистического изучения и описания преступления (5, С. 78). Представляется, что предложенная структура криминалистического учения о преступлении нуждается в обсуждении и уточнении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории - к практике. М., 1988.
3. Белкин Р.С., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступлений)//Соц.законность. 1987. № 9.
4. Герасимов И.Г. Проблемы общей теории раскрытия преступлений//Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980.
5. Густов Г.А. Моделирование - эффективный метод следственной практики и криминалистики // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980.
6. Густов Г.А. К разработке криминалистической теории преступления//Правоведение. 1983. № 3.
7. Дралкин Л.И. Проблемы общей теории раскрытия преступлений и криминалистическая тактика//Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981.
8. Кабанов П.П. О так называемом "криминалистическом" понятии преступления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1987. Вып.45.
9. Ключков Б.В. Объект, предмет и система советской криминалистики // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований. М., 1988.
10. Молдин В.Г. Актуальные вопросы теории и методологии криминалистики // Методологические и теоретические проблемы криминалистики

- кой науки. М., 1986.
11. Колдин В.Ч. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Сов.государство и право. 1987. № 2.
 12. Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
 13. Куликов В.И. Обстановка совершения преступлений и ее криминалистическое значение: Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. М., 1983.
 14. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика раскрытия преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе. Барнаул, 1982.
 15. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
 16. Образцов В.А., Протасевич А.А., Шиканов В.И. Основания и некоторые перспективы формирования криминалистического учения о преступлении // Повышение эффективности расследования преступлений. Иркутск, 1986.
 17. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.
 18. Эйсман А.А. Система криминалистики // Советская криминалистика: Теоретические проблемы. М., 1978.

И.Я.МОИСЕЕНКО
(г.Пермь)

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНСЦЕНИРОВОК

Инсценировка является одним из видов маскировки преступлений. По нашему мнению, сущность инсценировки заключается в искусственном создании преступником или иными лицами совокупности признаков определенного события (преступного или непротивоправного по содержанию), обстоятельств, фактически не существовавших, с целью ввести в заблуждение, дезинформировать следователя и иных лиц относительно обстоятельств подготавливаемого или совершенного преступления.

В силу многообразия различных объективных и субъективных факторов, влияющих на избрание определенного способа осуществления инсценировки, разнообразны и сами инсценировки. В криминалистической литературе последних лет отдельные авторы уделяли внимание и вопросу классификации преступных инсценировок. Так, например, В.А.Овечкин считает необходимым различать инсценировку как способ сокрытия преступления и инсценировку как способ сокрытия непроступного события (З.С.32), (например, инсценировка кражи, грабежа лицом, потерявшим документы, деньги). Далее В.А.Овечкин перечисляет отдельные конкретные способы осуществления инсценировок с целью сокрытия убийства и хищения государственного, общественного и личного имущества граждан (З.С.33-34). По существу, в таком перечне отдельных способов совершения инсценировок нет классификации, так как не определены конкретные основания для построения классификационной системы. Кроме того, непонятно почему автор ограничился инсценировками с целью маскировки только таких видов преступлений как убийства и хищения, они возможны и при совершении иных преступлений (например, изнасилований, взяточничества и пр.).

Иную классификацию инсценировок предложил Е.В.Баранов. Все инсценировки он подразделяет на два класса: инсценировки с целью сокрытия преступлений и инсценировки с целью сокрытия некриминальных событий. В свою очередь, в инсценировках первого класса Е.В.Баранов выделяет четыре вида: в зависимости от субъекта их совершения (одним преступником или группой; другими лицами по указанию преступника; преступником в соучастии с другими лицами), от времени совершения преступления (предварительные - превентивные; совпадающие с моментом совершения преступления), от места их совершения (на месте совершения преступления и вне места совершения преступления), от способа осуществления инсценировки (инсценировки иного преступления, некриминального события, отдельных обстоятельств события) (Г.С.10-11).

Предложенная Е.В.Барановым классификация инсценировок является значительным шагом в развитии теоретических разработок сущности инсценировки. В целом эта классификация заслуживает одобрения, хотя в отношении ее можно сделать некоторые замечания. Так, следует уточнить, что в зависимости от субъекта осуществления ин-

сценировки другие лица могут ее совершить не только по указанию преступника, но и по собственной инициативе. Далее необходимо отметить, что в предложенной Е.В. Барановым классификации инсценировок в зависимости от способа их совершения на самом деле называются объекты инсценирования. Способы же осуществления инсценировок намного разнообразнее, различаются в зависимости от вида инсценировки и многих других факторов. Кроме того, на наш взгляд, Е.В. Баранов использовал не все возможные основания для более широкой классификации.

Глубокий и широкий анализ сущности инсценировки сделан Р.С. Белкиным. Им же предложена и всесторонняя классификация инсценировок. По мнению Р.С. Белкина классификации инсценировок могут быть представлены следующим образом:

во-первых, по целям: для сокрытия преступления и для сокрытия некриминального события. На наш взгляд, первая цель выражена слишком широко и ее целесообразно было бы подразделить на две: для сокрытия преступления в целом и для сокрытия отдельных обстоятельств преступления;

во-вторых, по объекту инсценирования обоснованно подразделяются на: а) инсценирование преступления; б) инсценирование события некриминального характера; в) инсценирование отдельных деталей совершенного преступления или отдельных элементов его состава; г) инсценирование инсценировок;

в-третьих, Р.С. Белкин справедливо делит инсценировки по времени их осуществления: до совершения преступления, во время преступления или некриминального события, после преступления или некриминального события;

в-четвертых, по субъекту осуществления инсценировки подразделяются на совершенные преступником (-ками) и совершенные иными лицами. Мы считаем, что здесь есть основание выделить третью разновидность - совершенные преступником (-ками) совместно с иными лицами;

в-пятых, по месту осуществления инсценировки подразделяются на инсценированные на месте преступления, на ином месте (2.С.242).

Далее Р.С. Белкин предлагает различать инсценировки по способу легализации, по длительности воздействия, по содержанию. Подразделение инсценировок по этим основаниям нельзя признать целесообразным, так как практически трудно, а во многих случаях невозможно

даже их разделить.

Так, например, по способу легализации Р.С.Белкин выделяет инсценировки, рассчитанные на обнаружение их по сообщениям исполнителя или связанных с ним лиц и рассчитанные на обнаружение посторонними лицами. Однако, как свидетельствует практика, преступники, осуществляя инсценировку, обычно полагают, что о ней не будет известно не только следственно-судебным органам, но и другим лицам, и что ее никто не обнаружит. В противном случае - зачем было ее осуществлять (исключение - когда инсценируется инсценировка)?

Так же вызывает возражение мнение Р.С.Белкина, что по длительности воздействия инсценировок они могут быть рассчитаны на то, что: а) подлинное событие не будет установлено вообще; б) на получение преступником выигрыша во времени (например, для прискакивания убежища, сокрытия похищенного и т.п.) (2.С.242). Мы полагаем, что преступники, осуществляя инсценировку, всегда надеются, что подлинное событие не будет установлено и к этому стремятся. Но реализации этих надежд мешают, как правило, различные объективные и субъективные факторы. Возникает также вопрос - как в ходе расследования можно установить на что рассчитывало лицо, осуществившее инсценировку: на выигрыш времени или что маскируемое событие не будет вообще выявлено? Ответ на этот вопрос можно получить только в случае дачи правдивых показаний исполнителя (автора) инсценировки, что не всегда возможно.

Анализ следственной практики, изучение различных способов совершения инсценировок, использованных для маскировки преступной деятельности, на наш взгляд, позволяет классифицировать их следующим образом:

1) по направленности умысла маскирующих действий:

а) для маскировки преступного события в целом (например, при совершении убийства инсценируется несчастный случай или самоубийство);

б) для маскировки отдельных обстоятельств преступления. Таковыми могут быть:

- место совершения преступления (например, совершив убийство холодным оружием в квартире, переносят труп на улицу, отвозят на какой-нибудь пустырь);

- время совершения преступления (например, с целью маскировки хищения, совершенного путем присвоения материальных

ценностей, кладовщик склада инсценирует кражу путем проникновения в помещение посредством пролома в стене в ночное время, для чего, после образования пролома в стене, разбрасывает в разных местах склада обгоревшие спички, оставляет огарок свечи);

- субъект преступления (например, чтобы отвести от себя подозрение, преступники иногда оставляют на месте преступления или на пути ухода отдельные вещи, принадлежащие другим лицам, или предметы со следами рук других лиц, заранее приготовленные и принесенные с собой);

- преступный умысел (например, прямой умысел убийства на почве мести, ревности маскируют инсценировкой убийства при самообороне, или инсценируют несчастный случай, повлекший смерть, например, неосторожное обращение потерпевшего с огнестрельным оружием)¹;

- место и способ проникновения в помещение и другие обстоятельства (например, преступник, войдя в квартиру потерпевшей через дверь, которую она ему открыла, так как знала его, совершает убийство с целью завладения ценными вещами потерпевшей, затем открывает створки одного из окон, бросает на землю под окном какую-либо вещь потерпевшей, инсценируя проникновение и уход преступника через окно, а сам выходит через дверь, запирая при выходе замок);

в) для маскировки некриминального события, когда какой-либо свой аморальный проступок лицо маскирует инсценировкой преступления (например, проиграв в карты крупную сумму денег проигравший маскирует инсценировкой ограбления, разбойного нападения);

2) по объекту инсценирования:

а) инсценирование преступления. Здесь возможны два варианта: первый - для маскировки совершенного преступления инсценируется другое (например, при совершении хищения путем растраты государственного имущества инсценируется разбойное нападение на лицо, виновное в растрате денег); второй - инсценируется преступление для маскировки некриминального события (см. ранее приведен-

¹ К инсценировке для маскировки места, времени совершения преступления, субъекта преступления, преступного умысла преступники, как правило, прибегают в тех случаях, когда сам факт преступления скрыть невозможно.

ный пример). Иногда на почве мести, неприязненных отношений к какому-либо лицу инсценируется преступление, якобы совершенное этим лицом. Например, "потерпевшая" инсценирует изнасилование ее лицом, отказавшимся на ней жениться;

б) инсценирование некриминального события (например, при убийстве путем удушения или отравления инсценируют естественную смерть потерпевшего);

в) инсценирование инсценировки. Стремясь как можно хитроумнее замаскировать следы своей противоправной деятельности, преступники иногда используют и такой сложный и весьма редко встречающийся способ как инсценирование инсценировки. Сущность этого способа маскировки заключается в том, что преступник, совершая преступление (чаще всего кражу), искусственно создает признаки обстановки, характерной для инсценировки, для чего умышленно оставляет следы, которые легко могут быть выявлены следователем при осмотре и восприняты им как негативные обстоятельства, указывающие на попытку инсценирования определенного события (обстоятельства). Такие факты имели место в следственной практике и описаны в криминалистической литературе;

3) по субъекту инсценировки:

а) инсценировки, осуществляемые преступниками, совершившими маскируемое преступление (одним лицом или группой);

б) осуществляемые иными лицами. Иногда потерпевшие, свидетели, родственники, знакомые преступника, руководствуясь разными мотивами, совершают по собственной инициативе или по указанию преступника, совершившего маскируемое преступление;

в) осуществляемые преступниками в соучастии с иными лицами, указанными в п. "б";

4) по времени осуществления инсценировки:

а) до совершения преступления (то есть при подготовке к совершению преступления). Так, намереваясь совершить хищение путем присвоения нескольких банок с краской со склада, материально-ответственное лицо заранее инсценирует признаки кражи: перепиливает на верстаке, чтобы удобно и быстро это можно было сделать, дужку у навесного замка склада, затем бросает этот замок снаружи склада у входной двери, оставляя ее приоткрытой, сбрасывает со стеллажа на пол несколько банок, а несколько банок с краской увозит в коляске своего мотоцикла;

б) во время совершения преступления или иного некриминального события (подобные случаи наиболее часто встречаются в следственной практике);

в) после совершения преступления или некриминального события. Например, совершив в лесу изнасилование и убийство своей жертвы путем удушения, преступник затем инсценирует самоповешение: накидывает на шею жертвы петлю из веревки, которую он принес с собой, и подвешивает труп к толстой ветке дерева;

5) по месту осуществления инсценировки:

а) на месте совершения преступления;

б) на ином месте. Например, во время выпивки спиртного в квартире С. между ним и его знакомым Ч. произошла драка, в ходе которой ударами молотка по голове Ч. был убит. Стремясь замаскировать факт убийства и свое участие в нем, С. дождался темного времени и ночью перетащил труп Ч. на расположенную недалеко от дома железную дорогу и положил труп на рельсы, инсценируя тем самым случайное попадание пьяного Ч. под поезд;

6) по степени связанности с иными способами маскировки преступлений:

а) самостоятельные (отдельные). Самостоятельные (отдельные) инсценировки осуществляются преступниками на месте происшествия и, по мнению исполнителей инсценировки, по своему содержанию отвечают конкретной цели, для достижения которой они были осуществлены;

б) связанные с другими способами маскировки. В тех случаях, когда исполнители инсценировки считают, что по своему содержанию инсценировка недостаточно убедительно выражена и у следователя или у других лиц, участвующих в осмотре места происшествия, могут возникнуть подозрения о наличии инсценировки, то для большей убедительности сочетают ее с иными самостоятельными способами маскировки. Чаще всего дополнительно используют такие способы маскировки как притворное поведение во время следствия исполнителей (авторов) инсценировки, распространение ложных слухов (соответствующих содержанию инсценировки), дача ложных показаний, умалчивание об известных обстоятельствах, использование преступной имитации и др.

Такова общая криминалистическая классификация инсценировок. Разумеется, при анализе инсценировок следует использовать не один,

а несколько подходящих признаков данной классификации. Так, инсценировка в последнем примере характеризуется следующими классификационными признаками: инсценировка осуществлена для маскировки преступного события в целом самим преступником после совершения преступления на ином месте.

Использование следователем приведенной классификации может помочь в обнаружении и оценке признаков, свидетельствующих об инсценировке, и ее разоблачении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов Е.В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975.
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т.3.
3. Овечкин В.А. Расследование преступлений, скрытых инсценировками. Харьков, 1979.

М. РАУХЕРТ
(ГДР, г. Берлин)

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Идентификация личности при предъявлении для опознания в криминалистической практике осуществляется либо путем непосредственного предъявления лица, либо путем предъявления фотографий. Для следователя продолжает оставаться проблемной оценка результатов предъявления для опознания, т.к. процесс узнавания имеет сложную психологическую характеристику, не поддающуюся непосредственному контролю. Чтобы правильно оценить ход и итоги этого следственного действия, следователь должен обладать знаниями о сложной структуре психологического акта узнавания и о тех факторах, которые влияют на его результативность. В целом, конечно, известны факторы, определяющие восприятие и распознавание объекта, хотя здесь мы не располагаем подробными сведениями о способах ориентации опознающего, средствах и способах направленности его деятельности. В то

же время эти знания необходимы следователю, чтобы правильно подготовить и провести предъявление для опознания и правильно оценить его результаты.

Эти вопросы стали предметом обсуждения на секции криминалистики университета им. Гумбольдта в Берлине. В 1964 г. в отделе криминалистической психологии был основан студенческий исследовательский кружок "Идентификация посредством предъявления для опознания". Его основной задачей является изучение условий и структур узнавания личности. Предварительно проведя анализ обширного круга литературных источников по данной теме, мы приступили в 1965 году к первым эмпирическим исследованиям.

В число детерминант, влияющих на процесс и результаты опознания, нами были включены в исследование следующие:

- внешность опознаваемого лица;
- профессиональные свойства опознающего лица;
- соотношение между описанием опознаваемого лица и его узнаванием;
- обусловленные возрастом особенности опознания детьми;
- зависимость результатов от метода предъявления для опознания (по фотографии, видеозображению).

О первых результатах проведенных ими исследований студенты второго и третьего курсов сообщили на международной научной конференции "Социалистическая криминалистика" в Берлине в 1966 году. В дальнейшем исследования были продолжены и нашли свое предварительное завершение в студенческих дипломных работах в 1967 году.

Изложение итогов двух дипломных работ необходимо предпослать некоторым нашим исходным теоретическим позициям. Опознание - это результат процесса переработки информации. Опознание выступает как идентификационный процесс посредством "идеальных следов". Во время предъявления для опознания опознающий сравнивает наблюдаемый объект (актуально происходящее отображение) и мыслимый образ ранее наблюдаемого объекта (актуализированное отображение, вызываемое памятью): положительный результат характеризуется совпадением сравниваемого и сопровождается чувством известности наблюдаемого объекта.

Узнавание осуществляется на различных уровнях сознания:

- simultанное (спонтанное) узнавание - наиболее часто встречающийся и наиболее отвечающий потребностям практики способ иден-

тификации. Практика свидетельствует о большой надежности этой формы узнавания. Хотя опознающий затрудняется описать внешность опознаваемого, это не противоречит полученным результатам. Известно, что предмет или человека всегда легче опознать, чем описать. Решающим аргументом служит тот факт, что для совокупности признаков, отразившихся в сознании, не всегда легко подобрать словесные эквиваленты;

- сукцессивное узнавание - фактическое отождествление путем последовательного выявления в предъявленном объекте всех тех признаков, с помощью которых возможно отграничить его от любого другого, сходного с ним;

- узнавание по чувству известности предъявленного объекта.

Узнавание связано с предшествующими ему такими психологическими процессами как восприятие, запоминание и накопление информации. Социальная психология выделяет разнообразные условия восприятия наблюдаемого объекта:

- "внутренние условия" воспринимающего (его способности, личный опыт и др.);

- деятельностная связь (как предмет интеракции);

- ситуативные компоненты (пространственные, временные, социальные);

- отношения воспринимающего к воспринимаемому (например, степень знакомства);

- внешние явления (миимика, жесты, одежда и др.) и поведение воспринимаемого (3).

В ситуации узнавания действуют те же самые детерминанты, но в новом или другом качестве.

При предъявлении для опознавания играют определенную роль три группы условий: условия восприятия, условия "промежутка времени" и условия предъявления для опознавания. Условия "промежутка времени" характеризуют те изменения, которым подвергается образ ранее наблюдаемого лица в период времени между восприятием и предъявлением для опознавания. Наряду с процессами забывания возможна также переоценка значимости сохранившейся в памяти информации.

Одно из проведенных нами исследований было посвящено предъявлению для опознавания шести-восемилетним детям лиц по их фотоизображениям (2). Исследовалась зависимость результата узнавания от времени между моментом наблюдения за определенными лицами и момен-

том предъявления их фотографий. Исследовалась также зависимость результативности узнавания от количества предъявленных опознающему фотоизображений различных лиц. К этому исследованию было привлечено 90 берлинских детей. Эксперимент проводился в естественных условиях. Конфронтация детей с опознаваемым лицом проводилась в течение одной или двух минут. В соответствии с правилами проведения эксперимента его участники через 5 или 30 часов были опрошены. Сначала на поставленный вопрос: "Сегодня (или вчера) в вашем классе был мужчина. Можешь ли ты сказать как выглядел этот человек?" фиксировалось свободное описание внешности человека. В дальнейшем, основываясь на ответах детей, им ставились конкретные вопросы, касающиеся отличительных черт лица, длины волос, прически и т.д. Затем экспериментироваемым предъявлялись фотографии. Каждому ребенку одновременно предъявлялось 5 или 10 фотографий и задавался вопрос: "Есть ли на фотографиях человек, который сегодня (или вчера) был у вас в классе?".

Важнейшие результаты эксперимента таковы:

время в количестве фотографий	лицо опознано правильно		лицо опознано ошибочно		лицо не опознано	
	5	30	5	30	5	30
5	45%(15)	71%(20)	18%(6)	14%(4)	36%(12)	14%(4)
10	22%(4)	36%(4)	55%(10)	36%(4)	22%(4)	27%(3)

Примечание: в скобках указано абсолютное число привлеченных к эксперименту лиц

Средний показатель правильного опознания в эксперименте составил 48%, хотя результаты в отдельных экспериментальных группах существенно различаются между собой. При увеличении количества одновременно предъявляемых фотокарточек наблюдается снижение результативности правильного опознания. Так, при увеличении количества предъявляемых фотографий - от пяти до десяти - результативность опознания снизилась примерно на 50%. Причиной этого явления, на наш взгляд, явилось психическое перенапряжение детей, выразившееся

в спаде сосредоточенности во время выполнения задания.

Анализ результатов опознания по временной шкале показал средний прирост правильных ответов от 37% (при опросе через 5 часов) до 61% (через 30 часов). В частности, при показе пяти фотографий через 30 часов после наблюдения за опознаваемым результат правильного опознания достиг 71%. Толкование указанного явления нами осуществлялось с позиции теории реминисценции.

Результаты эксперимента показывают, что шести-восемилетние дети описывают внешний вид увиденных ими лиц достаточно точно. Их ответы по поводу тех или иных отдельных характерных черт внешности человека достигали точности в пределах 86-95%. В то же время указанные показатели заключают в себе возможность ошибки в виду некоторой подсказки относительно конкретных черт внешности. Полученные результаты подтверждают также существующее мнение о высокой точности симультанного узнавания: в наших опытах 91% случаев симультанного узнавания был правилен.

Исследования показали, что дети могут быть хорошими свидетелями по уголовным делам, если при этом учитывать их типично возрастные особенности. Вероятно следует отказаться от распространенного среди ученых и практических работников предубеждения по отношению к показаниям детей.

В ходе проведенных исследований была проверена возможность применения видеозаписи в целях идентификации личности (I). Предварительно выдвинутая гипотеза исходила из того, что при предъявлении для опознания демонстрация видеозаписи должна дать лучшие результаты чем предъявление фотографических изображений лица. С точки зрения практики важнейшим критерием при решении вопроса о применении видеозаписи служит соотношение пользы и произведенных затрат. Показ видеозаписи представляется особо эффективным в тех случаях, когда предъявление для опознания необходимо провести со многими свидетелями. Использование видеозаписи упрощает встречающиеся затруднения с подбором приглашаемых при предъявлении для опознания лиц, определением места и сроков его проведения, создания надлежащих и одинаковых условий для всех опознающих.

С психологической и информационной точек зрения применения видеозаписи имеет следующие преимущества:

- с помощью видеозаписи возможно передать большее количество информации об опознаваемом чем с помощью фотографии. Следовательно-

но, повышается вероятность того, что на видеоленте будут отражены именно те признаки, о которых известно опознающему. Такими, в частности, являются динамические и функциональные признаки личности;

- применение видеозаписи позволяет исключить непосредственный контакт между опознающим и опознаваемым, а в ряде случаев уменьшить эмоциональное напряжение потерпевшей, исключив нежелательную для неё встречу с преступником.

Экспериментальная видеозапись изготовлялась в цвете. На видеоленте были представлены одно за другим четыре лица. Опознаваемое лицо находилось в третьей позиции. Каждое лицо - его анфас и профиль, а также исполняемые им действия, которые соответствовали представляемой ситуации, демонстрировались на экране 2,5 минуты. Исходная гипотеза подтвердилась: положительный результат по видеозаписям составил 82%, что значительно выше чем по фотографиям. Это объясняется тем, что здесь дополнительно к статистическим были привлечены динамические и функциональные признаки личности.

Сопоставим эти данные с экспериментальными данными предъявления для опознания по фотографиям. К предъявлению для опознания по фотографиям было привлечено 168 человек. Предварительно опознающие наблюдали за опознаваемыми от одной до двух минут. Через неделю опознающие заполнили специально разработанную анкету. Экспериментируемые должны были выбрать одну из шести предложенных им фотографий. Положительный результат был достигнут в 63% случаев. Примерно две трети успешно опознавших узнали опознаваемого одновременно. При предъявлении для опознания по фотографиям было замечено, что для правильного опознания требуется меньше времени чем для ошибочного.

Наши выводы состоят прежде всего в том, что в основе высказываемых в литературе и обращенных к практике рекомендаций относительно проведения предъявления для опознания должны лежать результаты проводимых эмпирических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Behmann P., Feitzsch M. Theoretische Aspekte und praktische Untersuchungen der Vorweisung von Video zum Zwecke der Identifizierung von Personen: Diplomarbeit. Berlin, 1987 (unverf-

fentlich).

2. Harnisch R., Liebscher U. Die Wiedererkennung von Personen durch 6-8-jährige Kinder: Diplomarbeit. Berlin, 1987 (unveröffentlicht).
3. Hiebisch H. Interpersonelle Wahrnehmung und Urteilsbildung. Berlin, 1986.

В. СМИГАЙНИС
(г. Рига)

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА

Важным направлением в реализации задач, определенных XXVII съездом КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции по укреплению социалистической законности и правопорядка, является дальнейшее совершенствование деятельности следственных аппаратов, развитие методов расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

В этой связи становятся актуальными проблемы борьбы с любыми нарушениями правопорядка. Среди правонарушений весьма большую опасность представляют нарушения правил техники безопасности, ибо они в большинстве случаев причиняют существенный материальный ущерб народному хозяйству, а также влекут травмирование и гибель людей.

Успех в расследовании нарушений правил техники безопасности труда в значительной степени зависит от максимального использования в конкретной следственной ситуации возможностей различных следственных действий по обнаружению, собиранию, проверке и оценке доказательств.

Нами было изучено более сорока уголовных дел и материалов о нарушениях правил техники безопасности, рассмотренных судами или прекращенных следователями прокуратуры ЛатвССР в 1985-1987 г.г. Необходимость данного исследования вызвана относительно высоким уровнем производственного травматизма и преступных нарушений правил безопасности труда.

Уголовные дела о преступных нарушениях правил техники безо-

пасности чаще всего возбуждаются либо по материалам ведомственного расследования, либо по результатам осмотра места происшествия. Как показали исследования, этот вопрос не всегда решается достаточно оперативно. Во многих случаях материалы о нарушениях правил техники безопасности долго находятся в прокуратуре без разрешения. Иногда решения о возбуждении уголовных дел принимаются через несколько месяцев после выявления расследуемого события. Так, по факту нарушения правил техники безопасности, повлекшем смерть рабочего Г. на Рижском заводе "Турниерис", уголовное дело было возбуждено с опозданием в два месяца. По этой причине следователи не всегда в состоянии установить обстоятельства, имеющие существенное значение для дела.

Представляется, что если первоначальные сведения о происшествии содержат достаточные данные, указывающие на наличие признаков преступления, нельзя откладывать с решением вопроса о возбуждении уголовного дела, хотя ведомственное расследование еще не закончено.

Для правильного решения вопроса о возбуждении уголовного дела необходимо установить те фактические данные, которые могут быть основанием для его возбуждения. Положение ст.107 УПК ЛатвССР о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предполагает выяснение следующих обстоятельств.

В исходных материалах должны содержаться данные о травматических или иных тяжелых последствиях, имевших место на производстве, и предусмотренных ст.ст.134, 215 и 216 УК ЛатвССР. В тех случаях, когда по первичным материалам невозможно решить вопрос с возбуждением уголовного дела, прокурор или следователь в срок не более десяти суток вправе истребовать необходимые материалы и получить объяснения для выяснения существенных обстоятельств происшествия (ст.109 УПК ЛатвССР).

По данной категории уголовных дел осмотр места происшествия обычно является первоначальным следственным действием. Он позволяет восстановить обстановку происшествия, выяснить его существенные обстоятельства, зафиксировать следы происшествия, в дальнейшем целенаправленно осуществлять другие следственные действия по выявлению обстоятельств и причин происшествия, виновного в нарушении правил техники безопасности труда.

Результаты изучения уголовных дел показывают, что многие ос-

мотры места происшествия проводятся несвоевременно и неквалифицированно: это приводит к невозможным утратам и отрицательно сказывается на возможностях раскрытия нарушений правил техники безопасности труда. В подтверждение сказанного приведем следующий пример по факту нарушения правил техники безопасности, повлекшего смерть составителя поездов Г. на Рижской ТЭЦ. Следователь осмотр места происшествия провел поверхностно: фактически был осмотрен только труп. Не были приняты меры к обнаружению и фиксации следов происшествия, средства криминалистической техники не применялись, план или схема места происшествия не составлялись, специалист в области техники безопасности в осмотре не участвовал и, возможно, поэтому не были подвергнуты осмотру железнодорожное полотно, а также локомотив и восемь вагонов. Отмеченные недостатки, допущенные при осмотре места происшествия, а также другие упущения следователя привели к тому, что причины происшествия не были установлены.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: при расследовании преступных нарушений правил техники безопасности, повлекших смерть потерпевшего, осмотр места происшествия проводится не во всех случаях. По изученным нами сорока уголовным делам осмотр места происшествия производился в тридцати четырех случаях. Так, по факту нарушения правил техники безопасности, повлекшего смерть рабочего Т. на Рижском заводе "Фурниерис", осмотр места происшествия вообще не производился: уголовное дело было прекращено из-за отсутствия возможностей собрать дополнительные доказательства.

Осмотр места происшествия по делам о нарушениях правил техники безопасности является, как правило, неотложным. Промедление с проведением осмотра места происшествия ведет к утрате важной информации. Полнота, всесторонность и объективность осмотра места происшествия находится в непосредственной зависимости от участия в нем в качестве специалиста квалифицированного и незаинтересованного инженера нужного профиля. При осмотре места происшествия следователь почти всегда попадает в малознакомую для него обстановку, где ему предстоит осмотреть механизмы, машины, оборудование и их детали, помещения, ограждения и иные защитные устройства и приспособления. Поэтому целесообразно во всех случаях подбирать и привлекать к осмотру места происшествия специалиста или даже

несколько специалистов, если требуются специальные познания по разным специальностям.

Представляется, что нельзя признать незаинтересованным в исходе дела даже технического инспектора на участке которого произошло нарушение правил техники безопасности. Ввиду того, что он в известной мере является ответственным лицом за состояние охраны труда на его участке, иногда во время расследования могут возникнуть сомнения в его объективности.

При привлечении к расследованию в качестве специалистов инспекторов Госэнергонадзора, инженеров - инспекторов Госгортехнадзора и Госпожарнадзора, а также должностных лиц Государственного архитектурно-строительного контроля необходимо соблюдать требование уголовно-процессуального закона об участии лишь незаинтересованных в исходе дела лиц.

Названные должностные лица, как правило, являются также ответственными за состояние охраны труда на подконтрольном им участке и поэтому могут возникнуть сомнения в их объективности.

Не всегда даже при наличии в этом необходимости, при осмотре используются специальные познания специалистов-криминалистов. Сказанное относится в основном к применению судебной фотографии, а также средств обнаружения, изъятия и фиксации малозаметных следов. Прослеживается непосредственная зависимость между эффективностью применения научно-технических средств и участием в осмотре специалистов в области криминалистики.

Важным источником доказательственной информации при расследовании дел о нарушениях правил техники безопасности, повлекших несчастные случаи с людьми, является также заключение технической экспертизы.

Изучение уголовных дел свидетельствует о том, что технические экспертизы не всегда назначаются, хотя в этом есть необходимость. Отсутствие заключения технической экспертизы в деле, если невозможно установить обстоятельства дела путем проведения других процессуальных действий, приводит к необоснованному прекращению уголовных дел по различным основаниям или к возвращению дела судом для дополнительного расследования.

Представляется, что технические экспертизы следует назначать в следующих случаях:

- если в материалах уголовного дела имеются противоречивые

данные и для их устранения нужны специальные познания;

- если в материалах уголовного дела нет заключения технического инспектора, а для устранения причин и обстоятельств происшествия, необходимы специальные познания;

- если о проведении технической экспертизы обоснованно ходатайствует обвиняемый, потерпевший, гражданский истец или гражданский ответчик.

Нередко противоречивые данные об обстоятельствах дела проявляются в том, что заключение технического инспектора расходится с теми данными, которые собраны следователем. Однако не всегда в этих случаях необходимо назначение экспертизы: не исключено, что технический инспектор допустил явную ошибку и она легко устранима путем его допроса.

Полагаем, что техническая экспертиза по делу нужна, если в заключении технического инспектора не приняты во внимание такие обстоятельства, без учета которых нельзя всесторонне разобраться в причинах происшествия, а также установить лиц, ответственных за нарушение правил техники безопасности на производстве.

Результаты изучения материалов уголовных дел показывают, что чаще всего при производстве технической экспертизы на разрешение экспертизы, ставятся вопросы:

- о причинах происшествия;
- о нарушениях правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда;
- об условиях, способствующих совершению данного преступления.

Постановка каждого из указанных вопросов, на наш взгляд, правомерна лишь тогда, когда для этого необходимы исследования с использованием специальных познаний.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что весьма часто следователи допускают ошибки, ставят на разрешение технической экспертизы вопросы о "причинах происшествия", "о круге лиц, ответственных за несчастный случай" и др. Так, при расследовании нарушения правил техники безопасности на заводе "Энергоавтоматика" г.Риги следователь назначил техническую экспертизу и поставил эксперту среди других такие вопросы: "Кто ответственен за несчастный случай?" и "Какие нормативные акты нарушены?". При расследовании уголовного дела по факту несчастного случая на пред-

приятти "Космос" следователь задал эксперту вопрос: "Какие конкретно должностные лица виновны в данном происшествии?" Очевидно, что установление каждого из названных обстоятельств входит в компетенцию только следователя и суда.

Центральным вопросом в постановлении о назначении экспертиз обычно является вопрос о причинах происшествия. Чаще всего при нарушении правил техники безопасности образуется цепочка причин и следствий и поэтому то или иное отдельное обстоятельство может быть следствием нескольких причин. На практике не всегда принимается во внимание то обстоятельство, что причины происшествия могут быть самыми разнообразными. Причинная связь, в силу своеобразия производственных условий и способствующих происшествию факторов, часто состоит из нескольких звеньев, среди которых есть главные и второстепенные, частные и общие (I, С. 92).

При расследовании конкретного происшествия обычно выявляется целый ряд нарушений правил техники безопасности и других правил и лишь отдельные из них находятся в причинной связи с происшествием. Весьма часто они являются результатом сложного причинно-следственного взаимодействия, в котором действуют технические, организационные, технологические, санитарно-гигиенические, инженерно-психологические и другие обстоятельства. Поэтому следователь с помощью эксперта обязан выяснить структуру причинно-следственных связей.

Не всегда на практике этот вопрос решается успешно. Обычно следователь способен самостоятельно выявить основные, непосредственные причины происшествия и отделить их от тех, которые не имеют решающего значения для наступления вредных последствий.

Сравнительно редко случается так, когда одно событие превращается в другое без действия каких-либо дополнительных сил или без вмешательства иных человеческих поступков. Такие действия находятся в прямой причинной связи с наступившими вредными последствиями. Но и в таких случаях причинная связь может быть осложнена вмешательством других факторов (I, С. 91).

При производстве технических экспертиз еще нередко встречаются задержки с ее назначением. Промедление с назначением экспертизы не способствует быстрому и полному выяснению обстоятельств дела и влечет за собой удлинение сроков расследования, а иногда даже ведет к утрате важных доказательств. Так, по факту нарушения

правил техники безопасности уголовное дело было возбуждено 19 декабря, а техническая экспертиза назначена только в следующем году 29 мая. Ввиду того, что экспертиза не была назначена своевременно, технический эксперт не мог установить, была ли машина "15104 в момент происшествия технически исправна. Данное уголовное дело было прекращено 21 июня "за отсутствием в деянии состава преступления".

При проведении технических экспертиз о нарушениях правил техники безопасности возникает вопрос о том, кому поручить ее проведение. К сожалению, до сего времени в ЛатвССР нет официальных учреждений по их проведению. Следователи каждый раз встречаются с необходимостью искать специалистов, которым возможно поручить проведение экспертизы.

По анализируемым делам важным источником информации являются показания обвиняемых. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по изученным делам не встречаются протоколы с собственноручными записями обвиняемыми своих показаний.

В соответствии со ст. 151 УПК ЛатвССР после дачи обвиняемым показаний, в случае его просьбы, ему должна быть предоставлена возможность написать свои показания собственноручно, о чем делается отметка в протоколе допроса.

Собственноручное изложение допрашиваемым своих показаний имеет свои преимущества: если он действительно виновен в совершении инкриминируемого ему деяния, то он лучше чем кто-либо иной знает все обстоятельства совершенного им преступления. Давая правдивые показания, обвиняемый сообщает о своих действиях, объясняет подлинные мотивы их совершения, а также, что очень важно, излагает свои соображения по делу. В случаях предъявления обвинения, которое обвиняемый оспаривает, он может подробнейшим образом указать на оправдывающие его обстоятельства.

Предоставление обвиняемому возможности изложить свои показания собственноручно имеет своей целью обеспечить обвиняемому лично осуществить свое право на защиту. Имеет место случай, когда даже при прямом указании на то закона, это требование не соблюдается. Ст. 151 УПК ЛатвССР предусматривает, что в начале допроса, следователь предлагает обвиняемому дать показания по существу. Иногда следователи не предлагают обвиняемому дать показания по существу обвинения, а в протокол допроса вносятся только

записи о том, что обвиняемый подтверждает свои показания, данные им ранее, при допросе его в качестве подозреваемого. Подобная практика противоречит закону.

Результаты анализа уголовных дел о нарушениях правил техники безопасности показали, что успех в расследовании названных преступлений в основном зависит от своевременного, квалифицированного выполнения следственных действий, с привлечением нужных специалистов, использованием научно обоснованных тактических приемов и средств криминалистической техники.

Особенно важное значение имеет фактор времени в процессе обнаружения и закрепления доказательств.

Статистические данные Прокуратуры ЛатвССР показывают, что в 1986 году направлено в суд 15 уголовных дел о нарушениях правил по технике безопасности, а в 1987 году еще меньше, хотя количество возбужденных уголовных дел было значительно больше.

Необоснованное прекращение дел как результат недоброкачественного расследования, непривлечение к ответственности виновных лиц значительно снижает эффективность борьбы с нарушениями правил техники безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- I. Чблоков Н.П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980.

К. СЛАВИК
(ПНР г. Щецин)

ПОДДЕЛКА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ И ИНОСТРАННЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ

Денежные знаки, как известно, выполняют различные функции в общественно-хозяйственной жизни каждой страны. Деньги являются постоянным эквивалентом товаров, средством выражения их стоимости и обмена. В связи с этим деньги всегда обеспечивались особой правовой охраной, а фальшивомонетники строго преследовались.

Подделка денег - не новое явление, ее история берет начало с

древнейших времен. В современном мире эта проблема также не утратила своей актуальности. Уголовные хроники отмечают и продолжают регистрировать множество случаев фальсификации денег. Стоит вспомнить хотя бы случай со времен второй мировой войны, когда гитлеровское правительство применяя суперсовременную технику, произвело 25 миллионов фунтов стерлингов (акция под названием "Barbhard" (I) и это было осуществлено не только для получения ценной валюты, но и для подрыва доверия к фунту как платежному средству, применяемому в международных расчетах.

Эта проблематика уже более 50 лет привлекает особое внимание органов уголовного преследования различных государств. Между прочим именно она стала основой возникновения международной комиссии уголовной полиции (впоследствии Международной организации уголовной полиции - "Interpol"). Когда в 1923 году доктор Шюбер созвал в г.Вене международный съезд представителей 20 государств для обсуждения концепции создания этой организации, представитель Дании, обращая внимание на имеющиеся в некоторых государствах звенья по борьбе с поддержкой платежных средств, предложил организовать такие звенья во всех государствах и создать тесное сотрудничество в этой области.

Правильность этой концепции подтвердила история. На начальном этапе деятельность Международной Комиссии уголовной полиции вопросы подделки банкнотов, чеков и других ценных бумаг в основном поглощали все ее внимание.

Рост случаев подделки денег в различных странах привел к тому, что это деяние стало со временем международным преступлением, побудившим ряд государств к подписанию международной конвенции по борьбе с подделкой денег.*

Эта конвенция должна была способствовать усилению эффективности профилактических действий, а также преследования фальшивомонетчиков.

Международная статистика преступности показывает, что и по настоящее время ни одно из государств не избавилось от данной категории преступлений.

3

* Международную конвенцию по борьбе с подделкой денег, подписанную в Женеве 20.02.1929 г. Польша ратифицировала 05.03.1934 г.

За последние десятилетия наивысший уровень подделки платежных средств постоянно отмечался в 26 странах, главным образом в Европе и в США.

Приведем данные, относящиеся к 1964 году. Наибольшее количество этих преступлений, в расчете на 100 тыс. населения, было совершено в Монако (39,5), Франции (28,3), Португалии (15), Австрии (9,6), Малайзии (6,6), Голландии (5,2), Канаде (3,9), Египте (3,1). Примечательно, что Соединенные Штаты Америки не представили своей информации о количестве подделок денег в стране, сообщив, что выявлено 63 359 фальшивомонетчиков. Никаких данных по этой проблеме не опубликовано также Италией и Швейцарией. Кроме США наибольшее количество выявленных фальшивомонетчиков отмечается во Франции (2489), Австрии (1250), Португалии (1025), ГРГ (659), Колумбии (520), Голландии (304).

Чаще всего предметом подделки выступает американский доллар. Попытки его подделки установлены в последнее время в 43 странах мира.

Специалисты отмечают, что американские доллары наиболее поддаются фальсификации и являются предметом фальшивомонетничества как в США, так и в других странах. Несколько лет тому назад Secret Service ежегодно регистрировал около 400 случаев подделки денег. Сейчас их число достигает двух тысяч в год. Только в 1965 году в США изъято около 70 миллионов поддельных денежных знаков и не менее этого количества - в других странах.

Нередко группами профессиональных фальшивомонетчиков руководят бизнесмены, которые организуют действенную сеть распространения, что способствует появлению большого количества фальшивых денег в разных частях света.

На Специальной конференции в Мадриде в 1977 году (собравшей 245 делегатов из 75 стран и 56 наблюдателей из банковских учреждений) отмечалось, что, хотя Женевская конвенция 1929 года остается и впредь основным правовым актом по борьбе с подделкой денег, но при этом подделка иностранной валюты не всегда оценивается так же как подделка собственной, а максимально суровое наказание применяется редко. В этой связи было рекомендовано:

- присоединение к конвенции 1929 года и ее ратификация теми государствами, которые этого еще не сделали;
- внесение изменений в законодательство с тем, чтобы поддел-

ка иностранной валюты наказывалась так же строго, как подделка собственной валюты;

- введение наказуемости за имитацию собственных и иностранных банкнот и монет.

В одном из последних отчетов Генерального секретаря Интерпола по вопросу о подделке валюты приведен ряд примеров положительного решения (главным образом как последствие тесного международного сотрудничества) проблемы борьбы с подделкой валюты и ценных бумаг в отдельных странах. Во многих из них введен запрет печатать имитированные банкноты, например, для использования в кинофильмах, на телевидении, в книжной иллюстрации. Усовершенствована межгосударственная система задержания и выдачи международных фальшивомонетчиков. Такова вкратце ситуация с фальшивомонетничеством в мире.

Что же касается Польши, то нам представляется необходимым рассмотреть следующие вопросы:

- современное состояние этой преступности;
- имеющиеся правовые решения, в особенности степень их совпадения с мировыми тенденциями;
- предложения, направленные на повышение эффективности преследования этих преступлений.

В послевоенный период в Польше наблюдался рост подделок денежных знаков. Сразу после войны и до 1950 года особенно частыми были случаи подделок польских денежных знаков (как банкнот, так и монет). В 1950-1965 г.г. регистрируются лишь отдельные случаи деятельности неопытных фальшивомонетчиков, производящих чаще всего и с различным успехом фальшивые монеты. С 1965 года отмечается возрождение опытных фальсификаторов и со временем выявляются разнообразные подделки денежных знаков. Так, в 1965 году была выявлена особо опасная группа фальсификаторов долларов. В 1968 г. была раскрыта варшавская группа, подделывающая с большим размахом доллары. В 1979 году группа фальшивомонетчиков занималась подделкой и распространением польских банкнот достоинством 500 злотых.

Приведем некоторые данные, характеризующие ситуацию, сложившуюся в 1973-1977 г.г. Проведенные исследования показали, что подделка местных и иностранных денег осуществлялась тогда различными способами - таких способов было восемь, в том числе путем

рисования. В это время было изъято около 4200 поддельных польских банкнотов, более 3000 иностранных банкнотов, а также более чем 60 тысяч фальшивых монет (2).

В последние годы наблюдается явный рост количества и достоинства поддельных местных и иностранных банкнот. Особенно беспокоит появление фальшивых банкнот достоинством 5000 злотых (таких выявлено 521 экземпляр), которые полиграфически хорошо выполнены: они трудно отличимы от подлинных и составляет повышенную опасность для денежного оборота страны. Они печатались с двух различных матриц и вероятно в одном и том же месте. Эти фальсификаты вводились в оборот главным образом во время нелегальных валютных сделок с иностранцами на территории трех воеводств. Чаще стали появляться поддельные банкноты США высокого достоинства, а также западногерманские марки (около четырех тысяч в год).

Среди фальсификатов иностранной валюты преобладают доллары США (78%) и марки ФРГ (21%); они выполнены с применением полиграфической техники (свыше 91%), на бумаге близкой к оригинальной и имеют имитацию соответствующих обеспечений.

Больше всего их выявлено в Варшаве (25%), Кракове, Лодзи, Вроцлаве. Экспертиза показала, что почти все фальшивые банкноты были уже известны и ранее выявлены в других странах. Анализ собранной информации показал, что поддельные денежные знаки иностранной валюты попадали в Польшу главным образом из Австралии, Италии, ФРГ и балканских стран.

В последнее время явно уменьшилось (по сравнению с семидесятью годами) количество подделок польских и иностранных монет (только 0,13% от общей стоимости поддельных денег).

Отмечая опасность фальсификации денежных знаков, нельзя не вспомнить о "темной цифре" этих преступлений, т.е. их виктимности. Предмет данного вида преступлений весьма специфичен. Невыявленные банком, другими учреждениями или частными лицами, фальсификаты могут длительное время находиться в обращении. Помещение капитала в иностранную валюту, приобретенную в Польше путем нелегальных сделок с иностранцами, также серьезно затрудняет выявление подделок. Поэтому количество невыявленных фальшивых денежных знаков, особенно долларов, может быть значительным.

Существующий в Польше правовой порядок борьбы с фальшивомонетничеством в целом можно считать удовлетворительным. Как уже

отмечалось, Польша в 1934 году ратифицировала Женевскую конвенцию 1929 года: в Польше иностранная валюта подлежит правовой охране наравне с ее собственной. Подделка денег и распространение фальсификатов преследуется как преступление. В главе XXXI УК ПНР имеются следующие статьи, предусматривающие ответственность за подделку денежных знаков:

Ст. 227. § 1. Кто подделывает или фальсифицирует польские или иностранные денежные знаки либо документы на предъявителя, дающие право на получение денег или товаров, отпускаемых за валютные ценности либо за деньги, или кто на таких документах устранил обозначение об их аннулировании,

подвергается лишению свободы на срок не ниже 3 лет или лишению свободы на 25 лет.

§ 2. Кто пускает в обращение денежные знаки или документы, указанные в § 1, или с этой целью их принимает, хранит, перевозит, пересылает или помогает в сбыте либо в сокрытии,

подвергается лишению свободы на срок от одного года до 10 лет.

§ 3. Кто с целью совершения деяний, предусмотренных § 1 или § 2, вступает в соглашение с другими лицами либо изготавливает, приобретает или хранит технические средства,

подвергается лишению свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет.

Ст. 228. Кто пускает в обращение поддельные или фальсифицированные денежные знаки или документы, предусмотренные § 1 ст. 227, которые само лицо получило как действительные,

подвергается лишению свободы на срок до одного года, организации свободы или штрафу.

Эти нормы, а также организационная система правовой охраны дают возможность действительно преследовать тех лиц, которые совершают данные преступления.

Обратимся к вопросу о технических исследованиях подлинности денежных знаков. Исследования их подлинности на первом этапе направлены на решение вопроса: является ли выявленная банкнота (монета) подлинной или поддельной. При исследованиях подлинности в качестве сравнительного материала используется каталог с оригинальными банковскими образцами денежных знаков.

Если денежный знак поддельный, то на следующем этапе исследования выявляется техника переделки (в случае, когда более низ-

кая стоимость изменена на более высокую) или техника подделки (в случае, когда создана новая банкнота).

Технико-криминалистическая экспертиза фальшивых денежных знаков включает в себя применение фотографических, графических и физико-химических методов исследования.

Предметом исследования являются: материалы фальсификатов (бумага и краски), шрифт и его элементы, а также специальное обеспечение банкнот (водяные знаки и т.п.).

В отличие от некоторых других видов преступлений выявление фальшивомонетчиков представляет известные трудности. В последние годы раскрываемость этих преступлений: подделки и распространения поддельных денег (калпортаж) в зависимости от способа подделки колеблется в пределах от 22% до 83,3%.

В 1985-1986 г.г. выявлено несколько опасных организованных групп калпортеров - распространителей фальшивых американских долларов. Например, была выявлена цыганская группа в несколько десятков лиц, которая распространила по стране более десяти тысяч 20 - и 50 - долларовых банкнот. Олытинским воеводством была задержана гражданка, распространявшая фальшивые 100-долларовые банкноты. Однако изготовители не были установлены. В 1986 г. в г.Лодзи были выявлены два фальшивомонетчика, которые подделывали банкноты достоинством в 5000 злотых. Они успели подделать 60 банкнот и распространить их в нескольких городах Польши. Среди 137 калпортеров фальшивых иностранных денежных знаков было восемь иностранцев (три француза, два немца, один ливиец и один швед, также один кувейтец).

Что касается личности преступников, то многолетние исследования показывают, что только в нескольких случаях разоблаченные фальшивомонетчики располагали хорошей специальной подготовкой, необходимой для изготовления денег. Остальные фальшивомонетчики, действовавшие в основном примитивными способами, характеризуются следующим образом: 74% принадлежали к возрастной группе 18-30 лет; 60% не имели никакой специальности; 80% имели только начальное образование; более 60% вообще не работали и не учились; только 10% были в прошлом судимы за фальшивомонетничество; подделка и распространение фальсификатов осуществлялось, как правило, в городской среде (более 70% случаев). ◊

Для повышения эффективности предупредительной работы и улучшения раскрываемости рассматриваемой категории преступлений следует признать необходимым:

1) улучшение взаимодействия между торгующими организациями, Польским народным Банком, Валютным банком, Таможенными органами и органами преследования в сфере выявления и немедленной передачи фальсификатов на экспертизу;

2) тщательное обнаружение и нейтрализация местных точек подделки и распространителей польских поддельных денег;

3) совершенствование выявления каналов и организаторов переброса в Польшу иностранной валюты, особенно американских долларов и западногерманских марок путем более тесного сотрудничества с другими органами, а также международной организацией криминальной полиции "Interpol".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Hagen W. Unternehmen Bernhard. Ein historischer Tatsachenbericht über die Grösse Geldfälschungsaktion allen Zeiten. Hamburg, 1975.
2. Sławik K. Fałszerstwo krajowych i obcych znaków pieniężnych w Polsce w latach 1973-1977. Warszawa, 1979.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях формирования правового государства и осуществляемой в стране правовой реформы особую значимость приобретает дальнейшее развитие уголовно-правовых наук. Обобщение результатов изучения следственно-прокурорской и судебной практики, разработка рекомендаций, направленных на совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также внедрение в практическую деятельность следственно-судебных органов достижений уголовно-правовых наук - неотъемлемое условие коренных преобразований в области уголовной политики.

В этой связи представляют определенный интерес правовые проблемы охраны окружающей среды, суждения о мерах повышения эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, занимающихся пьянством и самогоноварением. Представляется актуальной проблема внедрения в социальную практику результатов криминологических исследований.

Предстоящая реформа уголовно-процессуального законодательства требует учета всего спектра высказанных суждений о правовой регламентации уголовного судопроизводства и осуществляемой на её основе криминалистической деятельности.

Небезинтересны в этом отношении высказанные в сборнике мнения ученых социалистических стран о прокурорском надзоре, принципе состязательности в польском уголовном процессе. Криминалистический аспект в расследовании преступлений представлен в настоящем сборнике статьями по общей теории криминалистики, а также по криминалистической тактике и частной методике.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Крастиньш У.	Предупредительное значение выделения особо охраняемых государством объектов природы	3
2. Лихолая В.	О повышении эффективности некоторых уголовно-правовых норм в предупреждении пьянства и алкоголизма	15
3. Шикин В.	О необходимости совершенствования законодательства по борьбе с пьянством и алкоголизмом	24
4. Биркава В.	Некоторые проблемы криминологического обеспечения практики	29
5. Прусак Ф.	Прокурорский надзор за предварительным расследованием	37
6. Сьвйда-Лагиевска З.	Права и обязанности лиц, участвующих в состязательном уголовном процессе..	47
7. Шешуков М.	Подозреваемый: размышления накануне реформы уголовного судопроизводства	60
8. Шурих Ф.-Р.	Некоторые замечания по структуре криминалистики.....	70
9. Домбровский Р.	Криминалистическое учение о преступлении (методологические аспекты).....	79
10. Моисеенко И.	Классификация инсценировок	87
11. Раухерт М.	Эмпирические исследования процесса опознания личности	96
12. Смилгайтис В.	О совершенствовании методики расследования уголовных дел о нарушениях правил техники безопасности труда	102
13. Славик К.	Подделка внутригосударственных и иностранных денежных знаков.....	109
	Заключение	117

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И МЕТОДОВ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник научных трудов

Рецензенты: А.Ниедре, председатель коллегии адвокатов
ЛатвССР;

Ю.Кавитис, член Верховного суда ЛатвССР;

В.Клотиньш, ст. преп. каф. уголовного права,
уголовного процесса и кримина-
листики.

Редакторы: Р.Домбровский, Р.Павлова
Технический редактор С.Линия
Корректор И.Балоде

Подписано к печати 11.07.89 ИТ 07358 4/6 60x84/16.
Бумага №1. 7,8 физ.печ.л. 7,0 усл.печ.л. 5,4 уч.-изд.л.
Тираж 500 экз. Зак. № 796 Цена 1 р. 20 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 18
Отпечатано на ротационной машине, 226050 Рига, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

403023

538

1 p. 20 к.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509004758